

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ
СИЯТЕЛЬНЫЙ

Annotation

В этом мире Средние века были не темными, а кровавыми. В этом мире люди всякий раз замирали от ужаса, когда небосвод затмевали крылья падших. В этом мире наука вернула человечеству свободу, и от океана до океана раскинулась Вторая Империя, империя людей. Воды морей бороздят боевые пароходы, на запасных путях ждут своего часа бронепоезда, а в небесах парят армейские дирижабли, но все же равновесие висит буквально на волоске. Эпоха пара уходит, эра всеблаготворительного электричества только-только берет разбег, поэтому даже самая малость способна низвергнуть мир в пучину хаоса.

Павел Корнев

Сиятельный

Сердце я вырежу сам, сердце отдам тебе!

Филипп Август. бэнд. Ли Тэн

Рожденный ползать летать не может? Воистину так!

Люди просто не созданы для полетов. Любой полет обречен закончиться падением, и чем выше взлетаешь, тем плачевней последствия. Вспомнить, к примеру, *падших*...

Я открыл глаза, сразу зажмурился, но поздно — клок подернутого серой дымкой неба уже завертелся-закружился, создавая иллюзию, будто лежу на спасательном плоту посреди гигантского водоворота. При одной только мысли о необходимости подняться на ноги сделалось дурно, так и остался малодушно валяться посреди смягчившей падение кучи мусора.

Осторожно вздохнул, и ребра немедленно пронзила острая боль. Но когда вздохнул второй раз, неприятные ощущения пошли на убыль, давая понять, что посчастливилось отделаться простым ушибом спины. Ни обломков кирпича, ни осколков бутылок, по счастью, среди принявшего меня в свои объятия хлама не оказалось.

Это радовало. Хотя и не особо, учитывая обстоятельства падения, но все же радовало.

И я вновь открыл глаза.

Мрачные стены домов возвышались со всех сторон глухим колодцем, над ними маячило серое небо, недоброе и хмурое, как и все вокруг. Неожиданно тени сгустились еще больше, и над крышами проплыло брюхо армейского дирижабля с квадратами наглухо задраенных оружейных люков. Мелькнули хвостовые стабилизаторы и киль, сверкнули солнечными отблесками ствольные блоки гатлингов, и вот уже воздушное судно скрылось из виду, будто его и не было вовсе.

Неважно! Вывалился я вовсе не из гондолы этого летающего монстра, нет: в недолгий полет меня отправили из щерившегося осколками окна на втором этаже.

Хотя, если начистоту, отправили — это громко сказано.

— Леопольд! — эхом прокатился по двору далекий крик. Гулкий топот, и миг спустя уже ближе: — Лео! Проклятье, где ты?!

В арке мелькнули отблески электрического фонаря; яркий луч пробежался по стенам, вильнул в мою сторону и сразу погас. А только глаза вновь начали привыкать к темноте, во двор ступил невысокий констебль в форменном плаще и фуражке, чья крупнокалиберная лупара недобро щерилась дульными срезами счетверенных стволов.

— Убери! — потребовал я, досадливо морщась.

Рамон Миро мгновение помедлил, потом все же передвинул ружье на сгиб локтя левой руки.

— Ты в порядке? — спросил он, настороженно озираясь по сторонам.

— Буду, — ответил я немногословно, но емко.

— Точно? — засомневался черноволосый крепыш, протягивая свободную руку.

Я раздраженно оттолкнул ее в сторону. Собрался с силами, самостоятельно перевалился

на бок и даже успел приподняться на одном локте, прежде чем наверху вновь раздался звон разбитого стекла.

В скалящемся осколками оконном проеме возник круглолицый господин средних лет в сером костюме-тройке и столь же неброском котелке. Он рукоятью трости вышиб из рамы еще одну стекляшку, затем посмотрел на меня, и его физиономия приобрела выражение крайней степени неодобрения.

— Где суккуб, Лео? — спросил инспектор Уайт. — Где эта дрянь?

Я повернул голову сначала в одну сторону, затем в другую, оглядев таким образом помойку, в которой валялся, и невесело усмехнулся:

— Ну... здесь ее точно нет, инспектор.

— Детектив-констебль Орсо! — отчеканил Роберт Уайт, давая понять, что шутки сейчас совершенно неуместны. — Отвечайте немедленно, где эта тварь!

— Не знаю, — сознался я тогда. — Просто... На самом деле, мало что помню, после того как меня выкинули из окна.

— Чрезвычайно прискорбное обстоятельство, — поморщился инспектор и скрылся из виду.

Я повалился обратно на спину и обреченно вздохнул, потом взглянул на Рамона и спросил:

— Ну, чего ты пялишься?

Констебль неопределенно хмыкнул и отвернулся. На его невозмутимом, красноватого оттенка лице не отразилось ни тени эмоции, но меня показное безразличие в заблуждение ввести не смогло — разочарование сослуживца ощущалось буквально физически.

Плевать! Еще начальника успокаивать...

Я уселся посреди мусора, и сразу закружилась голова. Не успел еще толком прийти в себя, а уже хлопнула дверь черного хода, и на высоком крыльце показался инспектор Уайт.

— Лео, — необычно мягко произнес он, с брезгливой гримасой оглядывая темный двор, — Лео, какого дьявола тут произошло?

Спешить с ответом я не стал. Сначала поднялся на ноги и за обрезиненный шнур подтянул к себе раздвоенный на конце телескопический электрощуп, после неопределенно пожал плечами.

— Роковое стечение обстоятельств, — заявил, когда затянувшаяся пауза стала совсем уж неприлично длинной.

— Вот как? — хмыкнул инспектор, и его серые глаза выщвели, потеряв остатки и без того блеклых красок.

Сиятельный Роберт Уайт обладал чрезвычайно полезным в нашей работе *талантом* — он чуял ложь. Не знал наверняка, когда ему лгут, но, подобно обученной ищейке, легко чувствовал сознательное намерение собеседника ввести его в заблуждение. Очень, очень удобный талант достался ему от замаранных кровью падших родителей...

Именно поэтому я даже не стал пытаться юлить и просто поднял руку с электрощупом.

— Слабая искра, — сообщил инспектору.

— Да неужели? — озадачился Роберт Уайт.

В этот момент к нам присоединились два констебля в форменных прорезиненных плащах и с новомодными самозарядными карабинами на изготовку. Коробчатые магазины нелепо торчали вверх, но понимающих людей это обстоятельство несколько не смущало; в условиях скоротечных перестрелок укороченная винтовка Мадсена — Бьярнова

зарекомендовала себя с самой лучшей стороны.

— Проблемы с электрической банкой, думаю, — предположил я, не обращая внимания на скептические взгляды коллег.

— С головой у тебя проблемы, Лео! — немедленно выдал рыжий констебль.

— Джимми, ты не прав! — вступился за меня парень с коричневыми от жевательного табака зубами, но лишь для того, чтобы сразу уточнить свое высказывание: — Просто руки у человека кривые.

Рыжий с довольным видом хохотнул:

— Билли, дружище! Одно другого вовсе не исключает!

— А ведь ты совершенно прав, Джимми! В нашем случае одно другое скорее дополняет!

Я не обиделся; Джимми и Билли — известные хохмачи, им только дай позубоскалить. Но инспектор ждал объяснений, поэтому мысль ткнуть электрощупом залившегося лающим смехом Билли показалась мне удачной вдвойне.

Так и сделал.

Сверкнула ослепительная искра, констебль резво отскочил и потер грудь.

— Совсем спятил? — оскалился он.

— Забудь! — отмахнулся я и повернулся к инспектору. — Говорю же, слабый разряд!

Инфернальные создания чрезвычайно чувствительны к электричеству, но подобный удар совершенно точно не смог бы оглушить ни суккуба, ни любого другого выходца из преисподней.

Роберт Уайт спустился по лестнице, повесил трость на руку и принялся неспешно набивать трубку крепким оттоманским табаком.

— Мог бы с утра не бульварные газетенки почитать, а заряд проверить! — укорил он меня.

— Да я три раза проверил! Все работало!

— Ну-ка дай, — потребовал тогда инспектор, забрал вытащенную мной из кармана электрическую банку и осмотрел шильдик на донце. — «Электрические машины Депре»? — прочитал он и возмутился: — Лео, где ты откопал эту рухлядь?!

Я ответил чистой правду:

— Получил на складе.

— Проклятье! — выругался инспектор, в сердцах оборвал провода и зашвырнул электрическую банку в кучу мусора. — Лео, мы выслеживали эту тварь две недели! Две недели! И все впустую из-за этого барахла!

— Но...

— Молчи! — потребовал Роберт Уайт и принялся раскуривать трубку. — Рамон! — повысил он голос после нескольких глубоких затяжек. — У тебя в лупаре электрическая банка чьего производства?

Ружье с короткими счетверенными стволами десятого калибра на мануфактуре Хейма и в самом деле снабдили электрическим воспламенителем патронов, поэтому констебль отчитался без запинки, лишь мельком взглянув на разборный приклад:

— «Электрического света Эдисона», инспектор!

— Вот видишь, Лео? — укорил меня начальник. — Запомни на будущее: только «Электрический свет Эдисона» и ничего кроме, да простит меня Тесла! Ты понял?

— Понял.

— И кстати, чего ради ты сунулся внутрь, не дожидаясь остальных?

— Дверь была открыта. Решил разведать обстановку.

— Ну и как, разведал? — нахмурился инспектор, раздраженно передернул плечами и зашагал со двора. — Идемте! — позвал он нас, но сразу остановился и хлопнул себя по карманам: — Джимми, где мои перчатки?

— Не знаю, инспектор, — ответил констебль и ткнул в бок напарника. — Билли, где перчатки инспектора?

— А Билли-то здесь при чем? — огрызнулся тот, озираясь по сторонам.

— Забудьте! — одернул их Роберт Уайт и скрылся в арке.

Джимми и Билли смерили меня недобрыми взглядами и поспешили за начальником; я потер поясницу и поплелся следом, Рамон Миро молча зашагал рядом, приноравливаясь к моему неровному шагу.

Надо сказать, для каталонца констебль был удивительным молчуном. Впрочем, каталонцем он являлся лишь по отцу, мать его происходила из аборигенов Нового Света; не иначе, темпераментом Рамон пошел в свою краснокожую родню.

Вот и когда из-под ног у нас выскочила перепуганная крыса, он лишь наподдал ей носком сапога и спокойно отправился дальше. Я переступил через наваленную в проходе кучу мусора и пригнул голову, чтобы не испачкаться о покрытый сажей потолок арки.

Быть высоким далеко не столь привлекательно, как полагают иные завистливые коротышки, что есть — то есть.

Глухой двор сменился другим, столь же грязным и неприглядным, из него мы попали в безлюдный переулок и остановились в ожидании дальнейших распоряжений инспектора. А тот без всякой спешки выбил о стену дома курительную трубку, выудил из жилетного кармана серебряные часы и в глубокой задумчивости поджал губы.

Пользуясь моментом, я отряхнул от остатков мусора прорезиненный плащ, затем сложил телескопический электрошуп и достал из нагрудного кармана очки с круглыми линзами из затемненного стекла. Нацепил их на нос и только тогда окончательно почувствовал себя в своей тарелке.

В отличие от инспектора, я не любил привлекать внимание обывателей выцветшими до противоестественной светлости глазами. А еще терпеть не мог смотреть собеседнику в глаза. Да и людей не особо жаловал, если уж на то пошло.

Люди меня обыкновенно раздражали своей бестолковостью.

— Возвращаемся в «Ящик»! — решил тут Роберт Уайт и, помахивая тростью неровно и даже нервно, зашагал к ближайшей станции подземки.

Новый Вавилон — удивительный город! Жизнь не замирает в нем ни днем ни ночью, а прекрасное и ужасное столь тесно сплетаются воедино, что с ходу и не отличить одно от другого. И никаких стыков, никаких острых граней, одни лишь оттенки и смазанные полутона.

Старинные дворцы, чья мраморная облицовка давно потемнела из-за выросшей на стены сажу, соседствуют с новостройками, пока еще чистенькими, но типовыми и оттого ущербными изначально. Проспекты, широкие в центре, непонятным образом теряются в переплетениях кривых улочек окраин. Вековые деревья императорского парка шелестят густой листвой, но листья эти сплошь и рядом чахлые и желтые из-за постоянного смога. Лазурная вода гавани накатывает на берег масляными разводами, а бескрайнее небо постоянно затянуто клубами дыма из заводских труб.

И так везде и во всем. Даже гранит площадей красноватый не в силу природной

расцветки камня, а из-за намертво ввевшейся в него крови *падших*...

Новый Вавилон, столица Второй Империи; одновременно и сердце государства, и язва, разъедающая его изнутри.

Узенькая улочка с покрытыми копотью стенами домов и редкими квадратами мутных окон вывела нас к перекрестку, и впереди замаячили фабричные трубы, высоченные и увенчанные длинными клубами дыма. По счастью, сегодня ветер относил выбросы в сторону, и воздух в пригороде был не столь задымлен, как обычно.

Вскоре трущобы остались позади, улица расширилась, и стали попадаться курившиеся зловонием промышленных стоков решетки ливневой канализации. Дорога пошла под уклон, а через пару кварталов и вовсе уткнулась в набережную Ярдена. Серебристую ширь воды там сковывал перекинувшийся с одного берега на другой железнодорожный мост; неповоротливые буксиры и баржи казались на фоне его опор игрушечными корабликами, да и дрейфовавший к порту грузовой дирижабль размерами в сравнении не поражал.

— Поспешим! — поторопил нас инспектор.

Я приложил ко лбу ладонь, заметил медленно ползшую в нашу сторону полосу дыма и прибавил шаг, торопясь за остальными.

Под стук набоек по брусчатке набережной мы прошествовали к железнодорожной станции и прошли за ограду, беспрепятственно миновав билетные кассы с их нескончаемыми очередями. На платформе оказалось не протолкнуться от рабочих окрестных фабрик, но дорогу вооруженному до зубов отряду чумазые пролетарии освобождали без лишних понуканий.

Послышался мощный гудок, под навес вкатилась окутанная клубами белого пара машина паровоза, и помещение моментально заполнил вырывавшийся из его трубы дым; залязгал металл, закрипели тормоза. Поезд остановился, пассажиры хлынули на перрон, тесня подступающий им на встречу рабочий люд, что разъезжался после ночной смены по домам.

Инспектор толкаться с чернью не захотел и решительно шагнул в вагон первого класса; зашли вслед за начальником и мы. На входе Роберт Уайт тростью отодвинул с дороги опешившего от подобного обхождения кондуктора и с невозмутимым видом уселся у окна. Остальным занимать сидячие места не полагалось, но и так служителя подземки едва не хватил удар, а почтенная публика косилась на нас с едва сдерживаемым возмущением.

Раздалось два коротких гудка, вагон вздрогнул, и за окнами, понемногу ускоряя свой бег, замелькали столбы и унылые заборы. Вскоре пути нырнули в тоннель, и поезд помчался под землей, оставив сутолоку улиц со всеми их лихачами-извозчиками и ротозеями-пешеходами где-то далеко-далеко наверху. Теперь состав летел на всех парах, нас нещадно раскачивало, и приходилось не только цепляться за поручень, но и крепко стискивать спинку ближайшего сиденья.

Через несколько минут паровоз замедлил ход и под оглушительный гудок выкатился из тоннеля к перрону подземной станции, освещенной лишь неровным огнем газовых рожков. Кто-то вышел, кто-то зашел, и мы помчались дальше.

Подземка — великая вещь! Ни паровики, ни даже новомодные самоходные коляски с ней сравниться не могут. Вот только дымом несет — дышать невозможно...

Через три станции мы покинули поезд и поднялись на улицу. Громада Ньютон-Маркта высилась на противоположной стороне площади, но инспектор лишь досадливо глянул на мраморные колонны портика и зашагал в противоположном направлении.

— Надо промочить горло, — пробурчал он, спиной почуяв наши вопросительные взгляды.

Возражать никто не стал.

Да и с чего бы? После столь оглушительного фиаско возвращаться в «Ящик», как с легкой руки неизвестного жулика повсеместно называли штаб-квартиру полиции, не хотелось совершенно. Тем более мне.

Промочить горло традиционно отправились в «Винт Архимеда» — небольшое питейное заведение, отличавшееся огромным выбором фламандского пива и преимущественно полицейской аудиторией.

— Покупайте утренний выпуск! — надрывал у его дверей осипшее горло парнишка с толстенной стопкой газет. — Напряженность в Иудейском море! Очередной демарш в Александрии! Покупайте! Только в субботнем номере! Раскол в рядах «Всеблагото электричества»! Тесла против Эдисона! Большая статья!

Роберт Уайт кинул мальчонке монету в десять сантимов, забрал выпуск «Атлантического телеграфа» и прошел в бар.

— Привет, Алмер! — поздоровался он с тучным хозяином за стойкой и уселся на свое неизменное место у окна. — Как обычно.

Толстый фламандец выставил перед инспектором графинчик с красным портвейном, после налил по кружке светлого Джимми и Билли, и те уединились в дальнем углу с выпивкой, тарелкой хлеба и нарезанным на ломтики острым свиным паштетом.

Когда Рамон Миро отошел со стаканом белого вина, которое пил изрядно разбавленным содовой, я уселся на высокий стул и облокотился о стойку.

— Лимонад? — вздохнул владелец заведения.

— Лимонад, — подтвердил я, без особого интереса разглядывая батарею пивных бутылок с цветастыми этикетками и пробками, прикрученными к горлышкам прочным шпагатом, а то и дополнительно залитыми сургучом.

— Ох уж мне эта мода! — покачал головой Алмер. — Скоро пиво с лимонадом пить начнут!

— Вот уж даром не надо, — усмехнулся я в ответ.

— Начнут, помани мое слово! — уверенно заявил владелец заведения и отправился на ледник. Вскоре он вернулся и выставил передо мной запотевший кувшин с лимонадом, в котором весело позвякивали кусочки льда.

Я наполнил высокий стакан, сделал несколько глотков и кивнул:

— Отлично!

Алмер воспринял похвалу как должное и принялся протирать полотенцем одну из пивных кружек.

— Не припомню, чтобы ты когда-нибудь заказывал выпивку, — произнес он, не прекращая своего занятия.

— Все верно, не заказывал, — подтвердил я.

— Удивительно.

— Почему же? Обычное дело, как по мне.

— Для помешанного на морали механиста — да, — с усмешкой произнес фламандец, — но проще встретить благочестивую шлюху, чем непьющего констебля.

— Из-за алкоголя у меня проблемы со сном, — объяснил я свое неприятие выпивки, не

особо покривив при этом душой.

Владелец заведения гулко расхохотался:

— Скольких твоих коллег смутила бы подобная мелочь?

Я только плечами пожал, не собираясь оспаривать это утверждение. Если начистоту — и сам знавал людей, помешать напиться которым мог лишь выстрел в голову, желательно из крупнокалиберного ружья.

Впрочем, общение с подвыпившими сослуживцами не вызывало у меня ровным счетом никакого отторжения, ведь пьяные зачастую даже более честны в своих суждениях и открыты. Раз алкоголь позволяет людям хоть на время позабыть о собственных страхах, кто я такой, чтобы их осуждать?

Взяв кувшин с лимонадом, я соскользнул со стула, намереваясь присоединиться к Рамону, но меня вдруг окликнул листавший газету инспектор.

— Леопольд! — произнес он, отрываясь от чтения. — Не составишь мне компанию?

Проклятье! Этого еще только не хватало!

Я мысленно выругался, без особой спешки подошел к столу и уселся напротив начальника, а когда наполнил лимонадом стакан, Роберт Уайт повертел пальцами у себя перед лицом и попросил:

— Сними очки, пожалуйста.

Выполнив распоряжение, я подышал на черные круглые линзы, протер их льняной тряпочкой и отложил на край стола. Затем отпил лимонада и перевел взгляд на прищиленный к стене чертеж винта Архимеда, один из многих.

— Ты ведь никогда не смотришь людям в глаза, Лео? — неожиданно спросил инспектор. — Так?

— Как правило, не смотрю, — подтвердил я и повернулся от пожелтевшего рисунка к собеседнику. Оценил покрой пошитого на заказ костюма, идеальную прическу, затейливый рисунок шелкового шейного платка.

В глаза смотреть не стал.

Меж бровей инспектора залегла тяжелая морщина, он отпил крепленого красного вина, промокнул узкие бледные губы салфеткой и только после этого негромко произнес:

— Я знаю о твоём таланте, сиятельный. Наверное, нелегко видеть в глазах людей один лишь страх?

— Приятного мало, — подтвердил я. — Посмотреть в глаза — все равно что забраться человеку в душу. Предпочитаю... сохранять дистанцию.

— Со мной у тебя такой номер не пройдет.

— Сохранить дистанцию? — пошутил я.

— Залезть в душу, — на полном серьезе ответил Роберт Уайт, потер подбородок и задумчиво промолвил: — Предполагалось, твой талант будет несколько более полезен в нашей работе...

Более полезен? Слова эти меня откровенно покоробили.

Нет, мой талант мог и в самом деле приносить больше пользы в работе, вот только я терпеть не мог копать в чужих страхах, позволять им забираться в собственную голову и воплощаться в жизнь. Пусть это и давалось без особого труда, но всякий раз в итоге я чувствовал себя извалявшимся в грязи.

Впрочем, не о моей тонкой душевной организации речь...

— Инспектор! — встрепнулся я. — С суккубом...

— Послушай меня, Леопольд! — стукнул Роберт пальцами по краю стола, призывая к молчанию. — Не в суккубе дело! Просто ты не справляешься! Не вытягиваешь! Не умеешь и не хочешь работать с людьми, а в нашей работе это — залог успеха. Зачем ты вообще пошел служить в полицию? Тебе бы библиотекарем работать!

— Надо же как-то оплачивать счета, — привычно отделался я полуправдой.

Если инспектор и уловил недосказанность, то заострять на этом внимание не стал.

— Но ладно люди! — поморщился он, переходя к главному. — Город набит жульем, будто бочка селедкой, и аресты воров, грабителей и убийц давно стали обыденностью. Сепаратисты и анархо-христиане? Вся эта беспокойная братия тоже мало кого интересует. И даже за поимку египетского агента главный инспектор мне разве что руку пожмет. А вот inferнальные твари — это серьезно! Такие дела попадают на первые полосы газет. Мы выслеживали суккуба две недели, Лео. На две недели забросили все остальные дела! И все пошло прахом. Из-за тебя.

Оправдываться было по меньшей мере глупо, поэтому я молча уставился в стакан и побренчал плававшими в лимонаде кусочками льда.

— Совпадение, подумал я! — продолжил инспектор разнос. — Простое совпадение! Но читаю газету и понимаю: нет, не совпадение. Решительно, Лео, от тебя сплошные неприятности.

— В смысле? — озадачился я, сбитый с толку неожиданным поворотом.

Роберт Уайт подвинул через стол утренний выпуск «Атлантического телеграфа» и подсказал:

— «Светская хроника».

Я взглянул на указанный заголовок, страдальчески сморщился, но все же прочитал всю статью целиком и только после этого выдохнул:

— Вот зараза...

Роберт Уайт забрал газету, встряхнул, расправляя, и прочитал:

— «Известный столичный поэт Альберт Брандт в разговоре с нашим корреспондентом упомянул, что по просьбе своего хорошего друга, виконта Круса, написал стихотворное посвящение его возлюбленной, *сиятельной* Елизавете-Марии Н.». — Инспектор припечатал газету ладонью к столу и ожег меня гневным взглядом. — Ну, виконт Крус, как думаешь, что сделает с тобой после прочтения этой заметки отец сиятельной Елизаветы-Марии Н.?

— Погодите! — вскинулся я. — Вы все не так поняли!

— Разве? — скептически скривился инспектор. — Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, о ком идет речь. Светлоокая, рыжеволосая Елизавета-Мария Н.! Ты много знаешь таких? Я — только одну! И это — дочь главного инспектора фон Нальца! Проклятье! Старик застал *надших*! Поговаривают, он был вымазан в их крови с головы до ног! И сейчас он изо всех сил хлопочет, чтобы выдать свою ненаглядную доченьку за племянника министра юстиции. Если партия расстроится из-за вот этой заметки...

— Все не так...

— Все так! — нахмурился Роберт Уайт. — Если партия расстроится, старик вызовет тебя на дуэль и убьет. Для него это не впервой. И знаешь, Лео, он будет в своем праве. — Инспектор допил портвейн и откинулся на спинку стула. — Лично я с превеликим удовольствием умыл бы руки, вот только на моей карьере этот инцидент скажется самым прискорбным образом.

— Это простое совпадение, — упрямо повторил я. — Никакого отношения...

— Перестань! — рявкнул начальник. — Оправданиями ничего не изменить. К полудню о твоём романе с дочерью главного инспектора будут знать даже полотеры. Старик и слушать ничего не станет!

— Я могу...

— Ничего ты не можешь, — отрезал инспектор, но сразу прищелкнул пальцами. — Нет, можешь! Исчезни на неделю, а лучше на две. Оружие сдай, на службу не выходи. Потом решим, как быть.

Это «решим, как быть» не понравилось мне категорически, но любая попытка переубедить начальника была изначально обречена на провал. Для себя он уже все решил. Во рту появилась неприятная кислинка, глаза защищало от несправедливости бытия.

Альберт! Какая же ты сволочь! Ну кто тебя за язык только тянул?

— Исчезни, — приказал инспектор и отгородился от меня газетой.

Я спешить с выполнением этого распоряжения не стал, очень уж неприятно было ощущать себя побитой собакой. В жалкой попытке сохранить последние крохи достоинства сначала допил лимонад и только потом поднялся из-за стола и снял с вешалки прорезиненный плащ.

— Алмер, запиши на мой счет, — попросил я владельца заведения.

— Уже, — подтвердил ушлый фламандец, который знал даты выплаты жалованья рядовому составу полиции ничуть не хуже нашего кассира.

На прощание махнув всем рукой, я вышел на улицу, глянул на небо, по которому плыли то ли куцые облака, то ли обрывки дыма из фабричных труб, и обреченно выругался. Затем привычным движением нацепил на нос темные очки и зашагал в сторону Ньютон-Маркта.

Сдам оружие, заодно и переоденусь.

Хотя, в отличие от рядовых сотрудников полиции, мне как детективу-констеблю и не было нужды ходить на службу в форменном мундире, я этой привилегией обычно не злоупотреблял. На чистку и починку личной одежды средства не выделялись, а лишних денег у виконта Круса давно уже не водилось.

В карманах виконта Круса гулял ветер, дом был перезаложен три раза, и лишь унаследованный от деда по материнской линии фонд позволял смотреть в будущее с осторожным оптимизмом.

Почему с осторожным? Да просто нынешний распорядитель фонда, мой дядя, граф Кóсице, вовсе не горел желанием расставаться с двадцатью тысячами франков годового дохода и всячески затягивал процедуру моего вступления в права наследования. Двадцать один год мне исполнился еще в прошлом месяце, но поверенные за это время даже не составили реестра активов, не говоря уже о передаточных ведомостях. И сколько эта запутанная процедура еще протянется — совершенно непонятно. Не думаю, что дядя доведет дело до судебных тяжб, но остальных «прелестей» раздела наследства точно не избежать.

С другой стороны — что мне деньги? Тут бы головы не лишиться...

В Ньютон-Маркт — занимавшее целый квартал здание полицейской штаб-квартиры — я прошел с задом, через служебный вход. Пропустил броневик, что под размеренные хлопки порохового двигателя выехал из ворот гаража и неспешно покатил по переулку, огляделся по

сторонам и взбежал на крыльцо. Уверенно распахнул дверь, на ходу кивнул сонному караульному и пустынными коридорами прошел в оружейную комнату.

Там вручил сержанту электрощуп и достал из кармана электрическую банку, завернутую в утренний номер «Атлантического телеграфа». Смятую газету выкинул в мусорное ведро, увесистый накопитель передал зрителю арсенала.

— Электрощуп, одна штука, — сделал тот отметку в журнале регистрации, — электрическая банка Эдисона, одна штука... — И сразу встрепенулся: — А вторая где? Производства Дебре?

— Пиши в безвозвратные потери.

— Это еще с какой стати?

— Все вопросы — к инспектору Уайту.

— Ладно, разберемся, — нахмурился сержант и вновь макнул в чернильницу железное перо.

Я отошел к столу в дальнем углу и выложил на него две снаряженные обоймы, потом вытащил из кобуры «Рот-Штейр» и за выступавшую из титановой ствольной коробки головку до упора отвел затвор. Когда тот встал на задержку, нажал кнопку выброса патронов, собрал вылетевшие на стол боеприпасы в пустую обойму и вернулся к сержанту.

— Самозарядный пистолет Рот-Штейр, модель восемнадцать — семьдесят четыре, одна штука, — монотонно пробурчал тот, — патроны калибра восемь миллиметров, тридцать штук. Все?

— Все, — подтвердил я и отправился в раздевалку, где не оказалось ни одной живой души.

Оно и понятно — самый разгар смены, нашим еще до самого вечера улицу топтать.

Я отпер шкафчик и с определенной долей облегчения избавился от плаща, мундира и сапог. Переоделся в светлый полотняный костюм и легкие шпидлеты, повязал шейный платок, перед зеркалом пригладил расческой волосы. Напоследок придирчиво оглядел свое отражение и надел темные очки.

К черту! К черту все переживания! Надо жить настоящим.

Переложив из мундира керосиновую зажигалку и складной нож с титановым клинком, я немного поколебался, но все же прицепил на пояс кобуру с «Цербером», пистолетом плоским и компактным, а в карман пиджака сунул запасную кассету на три десятимиллиметровых патрона.

Стволами в этом образчике оружейного гения Теслы выступали закрепленные в съемном блоке гильзы, поэтому кучностью «Цербер» отличался, прямо скажем, неважной, зато при стрельбе на небольшую дистанцию был просто незаменим. Благодаря наличию электрического воспламенителя порохового заряда и алюминиевой оболочке пуль, он позволял уверенно поражать и малефиков, и выходцев из преисподней. Обычное оружие в силу конструктивных особенностей для этого годилось мало: за долгие века нечисть сумела выработать неуязвимость к железу, меди и даже свинцу, а опытные заклинатели гасили искру пробитого капсюля и выводили из строя сложный ударно-спусковой механизм самозарядного оружия буквально одним щелчком пальца. Да и переключившие револьверы в подобных обстоятельствах редкостью вовсе не являлись.

Другое дело — «Цербер»! Электрическая банка и полное отсутствие подвижных деталей не оставляли шансов предотвратить выстрел ни малефику, ни inferнальному созданию. К тому же по сравнению с килограммовым «Рот-Штейром» этот пистолет почти ничего не

веси.

Я взял с верхней полки шкафчика светло-серый котелок, запер дверцу и вышел из раздевалки. Вышел — и немедленно наткнулся на незнакомого седоусого сержанта, которого сопровождали два дежурных констебля.

— Детектив-констебль Орсо, — с ходу заявил сержант, — следуйте за мной! Вас желает видеть главный инспектор.

Сердце едва не выпрыгнуло из груди, и я сделал глубокий вздох в не очень удачной попытке успокоиться.

Опытный служака уловил эту непонятную заминку и озадаченно уточнил:

— Вы идете, детектив-констебль?

— Разумеется! — Я не без труда выдавил из себя кислую улыбку и уже уверенней повторил: — Разумеется!

Сержант кивнул и направился к лестнице, а вот констебли сначала пропустили меня вперед и лишь после этого двинулись следом, заставив столь бесхитростным маневром выбросить из головы мысль о бегстве, паническую и постыдную.

Успокойся!

Ты ведь ожидал этого? Ведь ожидал?

Да, черт побери, ожидал! Ожидал, но не так скоро. Старик, вероятно, дьявольски зол, если отправил кого-то караулить мое возвращение.

Сиятельный Фридрих фон Нальц был стар, но не дряхл. Семь десятков лет не ослабили его, а, напротив, закалили; главный инспектор походил на крепкое сосновое корневище. И глаза... глубоко запавшие глаза светились в полумраке двумя злыми огоньками, словно отблески свечи в прорезях морщинистого тыквенного фонаря.

Удивительное долголетие, просто поразительное. Большинство тех, кого окропила кровь *падших*, давно покинули этот мир, ведь случилась Ночь титановых ножей пятьдесят три года назад — в декабре тысяча восемьсот двадцать четвертого года от Кары Небесной или, как теперь принято говорить, новой эры.

Несмотря на преклонные года, сиятельный фон Нальц не только руководил полицией метрополии, но и состоял в дюжине клубов и благотворительных обществ, а каждое утро, демонстрируя завидную работоспособность, начинал с изучения свежей прессы. Вот и сейчас на его столе возвышалась целая стопка газет, но хозяин кабинета ожидаемо остановил свой выбор именно на «Атлантическом телеграфе».

Проклятье! Ну кто просил Альберта распускать свой длинный язык!

При моем появлении Фридрих фон Нальц оторвался от газеты и растянул губы в некоем подобии улыбки.

— Виконт Крус! Не имел чести лично знать вас раньше...

Я в ответ лишь склонил голову.

Старик поправил обшлаг черного мундира, из которого торчало сухонькое запястье — словно объеденная падальщиками кость, — и спросил:

— Вы знакомы с моей дочерью, виконт?

— Был представлен на осеннем балу, — ответил я, обмирая от ужаса.

В кабинете враз стало жарко и душно. И дело было вовсе не в камине — его сегодня не топили. Горячий воздух волнами расходился от сидевшего за столом старика. То проявлялся *талант* сиятельного, и мне вовсе не хотелось становиться целью его приложения. Пару лет

назад довелось лицезреть ссохшуюся мумию, оставшуюся от покушавшегося на главного инспектора анархиста, так от вида заживо запеченного человека потом мутило до конца дня.

— Были представлены на балу — и только? — уточнил сиятельный фон Нальц, никак внешне не выказывая клокотавшей в нем ярости.

— И только, — подтвердил я, старательно не смотря на собеседника.

Смотреть на него было просто-напросто страшно.

Но тут старик вдруг рассмеялся, смял газету и кинул ее в корзину для бумаг.

— Знаете, виконт, я вам верю. Безоговорочно, — удивил меня главный инспектор неожиданным заявлением. — Просто я слишком хорошо знаю свою дочь. Елизавета-Мария никогда бы не связалась с подобным... — Он брезгливо поморщился и откинулся на спинку высокого кресла. — Неважно! Важно, что с подачи болтливового рифмоплета пойдут слухи. А этого я так оставить не могу...

— Главный инспектор! — попытался я оправдаться. — Речь идет о другой Елизавете-Марии! Не о вашей дочери! Это простое совпадение!

Но Фридрих фон Нальц только покачал головой, и до меня вновь долетело дуновение призрачного жара.

— Виконт! Я могу представить вас в роли тайного воздыхателя, но никак не в роли героя-любownika, — с холодной безжалостностью отрезал старик. — Не опускайтесь до столь откровенной лжи.

— Мою невесту зовут Елизавета-Мария Никли, она из Ирландии. Ее родители приходятся родней бабушке по материнской линии. Я собираюсь представить ее на завтрашнем балу.

Главный инспектор задумался, будто решая сложную шараду, потом кивнул.

— Это было бы неплохо, — произнес он медленно и отстраненно, но сразу яростно сверкнул глазами. — Только учтите, виконт, если притащите с собой какую-нибудь дешевую актриску и опозорите мою дочь, я лично уничтожу вас, лично! Я заставлю вашу кровь закипеть в жилах и сварю вас заживо!

— Уверю, главный инспектор, до этого не дойдет!

— Если стихотворное посвящение и в самом деле предназначено моей дочери, лучше сознайтесь прямо здесь и сейчас, — продолжил сиятельный фон Нальц уже абсолютно спокойно. — В этом случае мне придется вызвать вас на дуэль, но хоть умрете с достоинством. И не столь мучительно...

— Не стоит...

— Можете, разумеется, скрыться, но не советую, не советую. Очень не советую.

— Даже и в мыслях не было!

— Сгиньте с глаз моих, — проскрипел тогда хозяин кабинета, заканчивая аудиенцию.

Я незамедлительно выскочил в приемную, и воздух там показался просто ледяным. По спине немедленно заструился холодный пот, я кое-как успокоил сбившееся дыхание и спустился на первый этаж, но прежде чем успел распахнуть входную дверь, меня окликнули.

— Детектив-констебль!

Вздвогнув от неожиданности, я обернулся к дежурному, который выбрался из-за конторки с каким-то конвертом в руке.

— Вам корреспонденция! — сообщил констебль.

Я забрал непонятное послание, кивнул:

— Благодарю, — и вышел в отгороженный колоннадой портика двор, где подсобные

рабочие без особого успеха пытались смыть нарощую за зиму копоть с белого мрамора статуи Фемиды.

С тяжелым вздохом я опустился на одну из расставленных вокруг фонтана скамей и осмотрел конверт из плотной бумаги с указанием одного лишь моего имени, без адреса, почтовых марок и упоминания отправителя. Недоуменно хмыкнув, достал из кармана складной нож, вспорол им клапан и вытряхнул на ладонь лаконичное приглашение посетить Банкирский дом Витштейна для обсуждения вопроса о вступлении в права наследования.

Я перечитал письмо два раза и недоуменно нахмурился. Поверенный за прошедший месяц так и не сумел добиться от дяди никаких бумаг по отходящему мне фонду, с чего бы тому форсировать события по собственной инициативе? И какое отношение к наследству имеет Банкирский дом Витштейна? Род Кóсице иудеев никогда особо не жаловал.

Взглянув на массивный хронометр, новомодный — наручный, я решил, что успею посетить Банкирский дом, прежде чем тот закроется на обеденный перерыв, а не успею — ничего страшного, подожду. Никаких неотложных дел на сегодня запланировано не было.

Сунув конверт в карман пиджака, я вышел со двора полицейской штаб-квартиры и без лишней спешки зашагал по Ньютонстраат в направлении площади Ома.

Для начала апреля денек выдался на редкость знойным, и зависшее над крышами домов солнце всюду прожаривало город, будто брошенный на сковородку стейк. Даже клубившиеся на горизонте тучки не могли гарантировать скорого наступления вечерней прохлады; скорее всего, их просто развеет над океаном.

Прячась от духоты, я свернул на аллею платанов и зашагал дальше в тени деревьев. Минут через пять вышел к площади Ома, заскочил на заднюю площадку нещадно дымившего паровика и едва успел ухватиться за поручень, когда на повороте железные колеса звякнули на стыках рельсов и вагон ощутимо качнуло.

За окнами с черепашьей скоростью проплывали здания, в открытую дверь то и дело врывались клубы дыма, и тогда нестерпимо щипало глаза. О скоростях подземки не приходилось даже мечтать; да я и не мечтал — от ближайшей станции подземной железной дороги до иудейского квартала пришлось бы пробираться по узеньким запутанным улочкам старого города никак не меньше четверти часа.

И какой смысл?

Понемногу город начал меняться. Многоэтажные новостройки остались позади, вдоль сузившейся дороги стали тесниться обветшалые доходные дома и конторские здания с покатыми крышами. Между ними — узенькие сырые переулочки. А паровик все катил себе и катил.

Извозчики посматривали на набившихся в вагон пассажиров с нескрываемым неодобрением, лошади чихали и трясли головами, когда их накрывал шлейф стелившегося за вагоном дыма. Несколько раз нас обгоняли открытые самоходные коляски с шоферами в гогглах на пол-лица, кожаных тужурках и крагах. Коляски сразу уносились вдаль, но по улице еще долго разносилось громкое стрекотание пороховых двигателей.

На проспекте Менделеева я выскочил из паровика и свернул с тротуара в проход между двух домов, обшарпанных и неухоженных, с узенькими окошками на уровне второго этажа. Немного поплутал по задворкам и вскоре вышел на широкую улицу, ближайшее строение которой щеголяло свежей табличкой: «Улица Михельсона».

Первые этажи солидных каменных особняков занимали магазины и лавки, но все как одна витрины сейчас были закрыты глухими ставнями, как если бы на дворе стояла ночь.

Более того — одна из самых оживленных торговых улиц иудейского района словно вымерла. Прошел целый квартал, а на глаза не попало ни единой живой души!

Лишь на углу рядом с цирюльней неподвижно замерла длинная фигура в черном долгополом сюртуке и такой же шляпе.

Скользнув взглядом по бесстрастному лицу, обрамленному пейсами и бородой, я поднялся на крыльцо стоящего наособицу трехэтажного здания с солидной вывеской «Банкирский дом Витштейна» и потянул на себя дверную ручку.

Та не поддавалась. Толкнул — и так заперто.

Тогда я несколько раз стукнул молоточком по железной пластине, выждал пару минут и вновь потянулся за колотушкой, но вдруг замер, пораженный неожиданной догадкой.

«Суббота! — хлопнул себя ладонью по лбу. — Сегодня суббота!»

Шаббат!

В нашем просвещенном обществе косо смотрели на любые проявления религиозных воззрений и без жалости искореняли весь этот мистицизм, но ортодоксальные иудеи стойко сносили беспрестанные нападки механистов. Впрочем, до претворения угроз в жизнь дело обычно не доходило: финансовая состоятельность общины позволяла своевременно смазывать нужные колеса государственного аппарата, и разговоры о погромах оставались всего лишь разговорами.

Пусть наука целиком и полностью вытеснила религию из жизни общества, но власть предрержащие обладали здоровым прагматизмом и свято блюли принцип «кесарю кесарево». Деньги — это кровь империи, все остальное вторично.

Я достал из кармана жестянку с леденцами и закинул в рот первый попавшийся.

Итак, сегодня суббота; сегодня Банкирский дом закрыт, завтра тоже. Воскресенье — официальный выходной.

Досадно.

В этот момент через перекресток со скрипом прокатила крытая повозка. Возница в надвинутой на глаза кепке подогнал ломовозов к цирюльне, и долговязый иудей поспешил открыть ворота заднего двора. А стоило только телеге скрыться в проезде, столь же торопливо их закрыл.

Очень интересно.

Я озадаченно огляделся по сторонам, затем утопил кнопку наручного хронометра, запуская отсчет времени, и закинул в рот очередной леденец.

Подождем...

Телега выкатила на улицу через двадцать минут, и тянули ее теперь ломовозы не столь легко, как раньше, а на брусчатке позади оставался явственный пыльный след. Долговязый иудей прикрыл ворота и попытался отпереть входную дверь цирюльни, но ключ никак не желал проворачиваться в замке; ему даже пришлось стянуть плотные брезентовые перчатки и зажать их под мышкой.

Тогда я отправил в рот очередной леденец, сунул жестянку в боковой карман пиджака и зашагал через дорогу.

— Уважаемый! — окрикнул иудея, встав посреди проезжей части.

Долговязый обернулся, окинул меня обеспокоенным взглядом и просипел:

— Закрыто!

— И не надо! Где здесь станция подземки?

— Там, — махнул долговязый цирюльник вдоль улицы левой рукой; правую, синевшую старой татуировкой, он как бы ненароком сунул в карман сюртука.

Я слегка склонил голову и прикоснулся самыми кончиками пальцев к котелку.

— Благодарю, — улыбнулся и зашагал в указанном направлении, не став просить об уточнении маршрута.

Никакой необходимости в этом не было.

Роберт Уайт отыскался в «Винте Архимеда»; судя по распушенному шейному платку, одним графинчиком портвейна дело явно не ограничилось, но настроение у инспектора от выпитого нисколько не улучшилось.

Есть такие люди — они прекрасно понимают, что пить не вправе, но пьют и оттого не чувствуют облегчения от алкоголя, а лишь еще больше мрачнеют. Роберт точно был из их числа, поэтому, прежде чем начальник успел открыть рот и прогнать меня взащей, я решительно уселся напротив и без промедления заявил:

— Готовится ограбление банка.

— Я велел тебе проваливать, — пробурчал инспектор, ожидаемо пропуская мои слова мимо ушей.

— Я выполнил ваше распоряжение, — напомнил я, снял темные очки и, сделав над собой определенное усилие, посмотрел собеседнику в глаза. — Инспектор, ограбление банка — это серьезно.

— Да ну? — скептически поморщился Роберт Уайт, но моя уверенность его все же зацепила. Налившиеся свечением глаза потускнели и вновь стали бесцветно-серыми. — Рассказывай! — махнул он рукой.

— Думаю, готовится подкоп под Банкирский дом Витштейна.

— Думаешь? С чего бы это тебя осенило?

Я в двух словах описал увиденное в иудейском квартале, а когда инспектор впал в глубокую задумчивость, обернулся и подозвал подавальщицу. Время было обеденное, и хозяйину теперь помогали несколько шустрых девиц.

— Суббота... — пробормотал Роберт Уайт. — Ортодоксальному иудею нельзя работать в субботу, так? Но ведь он и не работал? Или открыть и закрыть ворота — это уже работа? А если там просто делают ремонт?

— Чтоб иудей привлек рабочих со стороны? — фыркнул я, наполняя стакан из выставленного на стол кувшина с лимонадом. — Да его потом заклюют! Нет, думаю, этот иудей не из общины.

— Опять думаешь, — скривился Уайт.

— Татуировка, — напомнил я. — На правой кисти у него была наколота змея. Или длинная рыба, точно не разобрал.

— И что с того?

— Ортодоксальный иудей никогда не пометит себя татуировкой. «И царапин по умершим не делайте на теле вашем, и наколотой надписи не делайте на себе».

Инспектор уставился на меня с нескрываемым удивлением.

— Ты так хорошо разбираешься в Торе?

— Нет, просто разбираюсь в татуировках.

— Даже если это так, откуда уверенность, что целью является банк?

— А какие варианты? С одной стороны — бакалейная лавка, с другой — мастерская сапожника. Банк — точно напротив.

Роберт Уайт допил портвейн и гаркнул во всю глотку, перекрывая царивший в заведении гомон:

— Джимми!

Рыжий поспешно поднялся из-за углового стола и подошел к нам.

— Да, инспектор? — тягуче произнес он, оправляя мундир. Был констебль в легком подпитии, но на ногах держался уверенно и не шатался.

— Садись! — приказал ему Роберт Уайт и спросил: — Никто не болтал в последнее время о налете на банк?

— Нет, тишина, — мотнул головой констебль после недолгих раздумий.

— А что скажешь о высоком сутулом иудее с татуировкой то ли угря, то ли змеи на правой кисти?

На этот раз Джимми ответил без запинки:

— Ури Кац по прозвищу Вьюн. Получил пять лет каменоломен за взлом кассы, мог уже освободиться.

— Вот как? — удивился инспектор и приказал: — Разузнай о нем, Джимми. И хватит пить, похоже, у нас появились планы на вечер...

Я воспользовался паузой и принялся хлебать томатный суп, соленый и горячий.

На место выехали, когда город уже окутали сумерки, тихие и незаметные, словно вражеские лазутчики. Разъездной экипаж катил по Ньютонстраат, вдоль дороги сияли электрические фонари, но стоило только свернуть с нее, как враз сгустился мрак. Темень кое-как разгонял лишь скудный свет газовых ламп, которые к этому времени уже заканчивали разжигать бредущие с лестницами от столба к столбу фонарщики; потом пропали и они. В темных закоулках старых районов безраздельно царствовала Никта, разве что над дверями питейных заведений моргали одинокие фонари да из щелей разошедшихся ставень изредка пробивались тусклые лучики света.

Правил экипажем Джимми; он запалил керосиновую лампу, но та не столько освещала дорогу, сколько обозначала нас в ночной тьме. Иначе запросто могли столкнуться с кем-нибудь или затоптать вывалившегося под копыта лошадей пьяницу. Имелись у нас, разумеется, и электрические фонари, только использовать их было равносильно крику во всю глотку, что по улице катит полицейский наряд.

Ни к чему это. Тем более наш экипаж внешне не отличался от частных повозок, сам Джимми сменил мундир на обшарпанные брюки и клетчатый пиджак, а все остальные укрылись от нескромных взглядов внутри.

Роберт Уайт сидел на лавке прямой как штык, лишь беспрестанно бегавшие по верхней крышке электрического фонаря пальцы выдавали его беспокойство. Рамон упер не заряженную пока еще лупару прикладом в пол, оперся на нее и клевал носом. Билли же придерживал отставленные к стенке самозарядные карабины, свой и приятеля, и размеренно пережевывал табачную жвачку. От этого его и без того скуластое лицо с широкой прорезью лягушачьего рта порой превращалось в совсем уж гротескную маску.

Я достал из кармана жестянку и закинул в рот леденец; оказался мятный.

— Испортишь зубы, — ухмыльнулся Билли, непривычно спокойный, словно опившийся опиумной настойки невротик.

— На свои посмотри, — скривился я.

Избавить от коричневатого табачного оттенка не мог никакой зубной порошок, но иного выбора любителям этой немудреной забавы не оставалось с тех самых пор, как производство патентованной каучуковой жевательной резинки встало из-за нехватки сырья. И ожидать улучшения ситуации с поставками каучука в ближайшее время не приходилось: плантации Цейлона и Зюйд-Индии не могли удовлетворить всех потребностей, а о возобновлении торговли с ацтеками даже речи не шло. Более того — если в Иудейском море начнется очередная заварушка, торговые суда и вовсе придется направлять вокруг Африки, ведь военные флоты Великого Египта и Персии способны перекрыть и Красное море, и Персидский пролив. Даже преимущество в воздухе не позволит организовать полноценное конвоирование торгового флота, поскольку, в первую очередь, дирижабли потребуются для поддержки наших крепостей на севере Аравийского острова.

Билли в ответ на мое замечание лишь усмехнулся, приоткрыл шторку и сплюнул на улицу. Рамон глянул ему через плечо, встрепнулся, прогоняя сонливость, и переломил стволы лупары. Затем вытащил из бандольеры солидный патрон со свинцовой пулей в алюминиевой рубашке и отработанным движением сунул его в один из патронников.

Для задержания обычных грабителей столь мощного оружия не требовалось, но неизвестно, с кем доведется повстречаться на темных улочках нашего беспокойного города. А пятьдесят грамм чистой смерти успокоят даже демона; ненадолго, но успокоят.

Главными недостатками четырехствольного монстра, произведенного на Оружейной мануфактуре Хейма, была сильная отдача и немалый вес. Во всем нашем отряде лишь Рамон не испытывал затруднений при обращении с этой машиной.

Тут раздался условленный стук в стенку, и сразу погасли отблески керосиновой лампы; Рамон зарядил последний патрон и поспешно защелкнул стволы.

— Подъезжаем? — уточнил он.

— Подъезжаем, — подтвердил инспектор и, откинув полу плаща, проверил, легко ли выходит из кобуры шестизарядная «Гидра».

Старший брат «Цербера» напоминал многоствольный револьвер и помимо чрезвычайной устойчивости к чарам малефиков и потустороннему воздействию inferнальных созданий — электричество сильнее магии! — отличался громоздкостью и крайне трудоемким процессом перезарядки, а посему особой популярностью среди полицейских не пользовался. Я и сам полагал, что инженерам «Оружейных заводов Теслы» стоило остановиться на трехзарядном «Цербере».

Экипаж начал замедлять бег, и тогда инспектор скомандовал Билли:

— На выход. Ты — на Михельсона.

Констебль распахнул дверцу, передал Джимми второй карабин и спрыгнул на брусчатку, в один момент растворившись в ночной тьме. Рыжий убрал винтовку на колени, потушил керосиновую лампу и натянул поводья, еще больше сдерживая бег лошадей.

Сунув темные очки в нагрудный карман, я расстегнул хлястик кобуры, вытащил «Рот-Штейр» и дослал в ствол патрон. А когда экипаж повернул на перекрестке, оставляя позади цирюльню, первым соскочил с подножки и метнулся к воротам. В один миг перевалился через них, сдвинул щеколду и приоткрыл, запуская в переулочек инспектора Уайта и Рамона Миро.

Джимми направил карету к соседнему дому и остался сидеть на козлах с карабином в руках; роль караульного его всецело устраивала.

— Сюда! — позвал я за собой инспектора, и тот немедленно шикнул на меня:

— Не шумим!

Электрический фонарь начальник не включил, и до задворок цирюльни пришлось пробираться в кромешной тьме. Новолуние, чтоб его...

К счастью, на заднем дворе темень была уже не столь беспросветной, поэтому отыскать дверь черного хода удалось, минуя разбросанный тут и там хлам и строительный мусор.

— Только тихо! — вновь предупредил Роберт Уайт, когда я убрал пистолет в кобуру и просунул в щель между полотном и косяком прихваченный с собой ломик.

Я осторожно надавил, дверь едва слышно хрустнула и приоткрылась. Рамон с лупарой на изготовку первым перешагнул через порог, инспектор сунулся следом и поспешно щелкнул выключателем фонаря.

Яркий луч пробежался по задней комнате цирюльни — никого.

— Лео, проверь зал и жди здесь, — распорядился Роберт Уайт. — Рамон, мы на второй этаж. И ти-и-ихо!

Отложив ломик на буфет, я взял пистолет двумя руками и двинулся по коридору, стараясь по возможности не скрипеть рассохшимися половицами. Заглянул за занавеску, оглядел силуэты двух пустых кресел — чисто! — и вернулся в заднюю комнату дожидаться возвращения со второго этажа сослуживцев.

— Пусто, — отчитался я, когда инспектор спустился из жилых помещений наверху.

— Там тоже никого, — проворчал Роберт Уайт. — Надеюсь, ты не сбил нас с панталыку...

— Они, должно быть, в подвале! — возразил я.

— Давайте отыщем лестницу, — решил инспектор и высветил выходявшие в прихожую двери.

За одной оказалась уборная, а вот вторая привела нас в комнату со штабелями мешков, туго-набитых и пыльных. Они занимали едва ли не все помещение целиком, свободным оставался лишь узкий проход у стены.

Я разложил нож, с тихим щелчком зафиксировал складной клинок и аккуратно вспорол плотную ткань; посыпалась земля.

— В яблочко! — выдохнул я тогда, не скрывая облегчения.

— В подвал! — оживился инспектор. — Прихватим их на горячем!

Мы осторожно пробрались по проходу к темному провалу в полу и окружили его, не зная толком, как быть дальше. Недолго думая, инспектор толкнул Рамона в плечо и указал на пол.

— Давай!

Констебль опустил на колени, отложил лупару на запыленные доски и заглянул вниз.

— Свет горит, — почти сразу сообщил он нам.

— Только тихо! Не спугните их! — азартно выдохнул Роберт Уайт, окончательно позабыв обо всех сомнениях на мой счет.

Ну в самом деле — оставлять свет на ночь в подвале цирюльни добропорядочному иудею совершенно не с руки.

— Пошли! Пошли! — скомандовал инспектор. — Быстрее!

Рамон скатился вниз первым, я без промедления метнулся следом, хоть обычно подвалы

и не жаловал. Пугали они меня, до неудобного озноба, до мурашек на спине и дрожи в коленях пугали.

Но куда деваться?

Ходу!

Едва не наступая на пятки констеблю, я вбежал в небольшую каморку, чуть ли не наполовину заваленную огромной кучей земли. Здесь же валялись обломки разобранной кладки одной из стен, а немного дальше, за столом в круге света от висевшей под потолком «летучей мыши» сидел долговязый иудей, чью плешивую макушку больше не скрывала черная шляпа.

Заслышав шум шагов, он отставил кружку и обернулся, но при виде направленных на него стволов лупары обмер и совершать глупостей не стал.

— Руки! — шепнул Рамон, иудей повиновался.

Я обогнул кучу натасканной в подвал земли, шагнул через перевернутую тележку и присел рядом с проломом в разобранной стене. Осторожно заглянул в усиленный деревянными распорками лаз, там — одна лишь темень.

— Чисто, — сообщил Рамону.

— Инспектор! — позвал тот начальника, не отрывая от задержанного ни пристального взгляда, ни ружья.

Роберт Уайт без лишней спешки спустился в подвал, подошел к столу и взял лежавший на нем странного вида пистолет. Изогнутой рукоятью и открытым курком задняя часть непонятного оружия напоминала револьвер, в то время как компоновка передней копировала маузер «КБЗ» с той одной лишь разницей, что здесь магазин был съёмным.

— «Бергман», номер пять! — объявил инспектор и многозначительно добавил: — Совсем новенький.

Он повертел оружие в руках и как бы невзначай направил ствол на задержанного.

— Кто в подкопе? — спросил Роберт Уайт, большим пальцем играя со спицей курка.

Долговязый иудей шумно сглотнул и поспешно ответил:

— Никого.

— Двое? Трое? — уточнил Роберт, и глаза его стали белее мела и прозрачнее родниковой воды.

— Никого! — вновь соврал задержанный.

Инспектор небрежным движением сдернул с него сначала один накладной пейс, затем другой и с нескрываемой печалью в голосе произнес:

— Зачем ты лжешь мне, Ури?

Иудей задрожал, но оказался не в силах оторвать взгляд от глаз *сиятельного*. Он попытался отвернуть голову, не сумел и этого и как-то сразу весь поник.

— Двое, — признал злоумышленник.

— Вооружены?

— Да.

— Рамон, присмотри за ним, — приказал тогда Уайт констеблю.

— На колени! — немедленно распорядился констебль. — Руки на затылок, пальцы сцепить!

Инспектор Уайт удовлетворенно кивнул, положил пистолет на стол и подошел ко мне.

— Что у тебя, Лео?

Я глянул в темень пролома и невольно поежился:

— Кротовья нора. — Потом спросил: — Инспектор, вызовем Джимми и Билли?

— Разберемся сами, — отрезал начальник, выкрутил регулятор электрического фонаря на полную мощность и достал из кобуры «Гидру». — Вперед! — приказал он, когда яркий луч скользнул по дощатым распоркам и уперся в земляную стену.

Я с тяжелым вздохом забрался в лаз, согнулся там в три погибели и с пистолетом в руке начал продвигаться вперед. Инспектор пытался освещать дорогу, но ничего толкового из этого не выходило, поскольку луч то и дело упирался мне в спину.

Не выдержав, я обернулся и попросил:

— Дайте!

После, уже с фонарем, подобрался к месту, где лаз уходил в сторону, и обнаружил, что грабителям там попалась старая каменная кладка, они не сумели пробиться напрямик и были вынуждены забирать правее.

Ничего удивительного — Новому Вавилону без малого две тысячи лет; здесь история, где ни копни. И хоть постройки повсеместно разбирались для нового строительства, фундаменты попросту уходили под землю, и над ними возводились все новые и новые здания.

Не город, а мечта археолога. Но вот делать в таких условиях подкоп — затея гиблая. Теперь понятно, откуда взялось столь колоссальное количество выбранного грунта.

Я вплотную подобрался к повороту и облизнул пересохшие губы.

Было страшно. Даже очень. В темноте запросто могли притаиться грабители с пистолетами на изготовку или даже...

— Лео! — дернул меня инспектор.

Окрик стряхнул накотившее оцепенение, и оно сменилось раздражением и досадой; будто меня за чем-то неприглядным застали.

Терпеть не могу подвалы!

И наперекор дурным предчувствиям я шагнул за угол. Шагнул в полуприседе, с высоко поднятым над головой фонарем и заранее вскинутым пистолетом, но дальше оказался очередной коридор, проложенный вдоль каменной стены.

— Это дурно пахнет, инспектор, — прошептал я.

Уайт меня словно не слышал.

— Шевелись! — прошипел только в спину.

Пригнув голову, чтобы не стукнуться макушкой об укрепляющую потолок доску, я возобновил движение, подобрался к следующему повороту и настороженно выглянул из-за угла, не заметил ничего подозрительного, а только шагнул дальше — и нога немедленно подвернулась на вывороченном из старой кладки камне; едва не упал.

Как оказалось, здесь грабителям посчастливилось отыскать в злополучной стене прореху, и они расширили ее в надежде срезать путь через заброшенное подземелье. А тяжеленные камни, в отличие от грунта, выволочь наружу поленились и попросту раскидали их кругом.

Тут я заколебался. История у иудейского квартала была не самая безоблачная, взломщики запросто могли наткнуться на чумное захоронение, а то и что похуже.

— Быстрее! — вновь заторопил меня инспектор.

Он был всерьез намерен перекрыть утреннее фиаско поимкой опасной шайки, поэтому мне ничего не оставалось, кроме как повиноваться приказу и лезть в прореху частично разобранный стены. За ней темнел коридор. Не лаз, именно коридор.

— Осторожней, — предупредил я инспектора, тихонько ступая по неровному полу, засыпанному землей вперемешку с обломками камней.

Облегчая себе труд, бандиты раскидали здесь выбранный грунт, и теперь мои туфли при каждом шаге глубоко погружались в рыхлую массу.

Выдохнув беззвучное проклятие, я отправился на поиски злоумышленников, но вскоре остановился на развилке.

— Направо? — обернулся посоветоваться с начальником.

На полу было изрядно натоптано, и если налево уходила лишь одна цепочка следов и она же возвращалась обратно, то в противоположном направлении была протоптана настоящая тропинка.

Инспектор протиснулся ко мне, посмотрел на пол и подтвердил.

— Направо!

Освещая дорогу электрическим фонарем, я двинулся дальше. Роберт Уайт шумно сопел позади, и оставалось лишь уповать на то, что стволы «Гидры» опущены к полу, а не нацелены мне в поясницу.

Неровный пол, легкий спуск — но не делать же замечание начальнику?

— Быстрее! — вновь заторопился инспектор.

Я отвлекся на его нервный шепот и немедленно приложился макушкой о каменный выступ потолка.

— Дьявол! — прошипел, опускаясь на корточки от неожиданности и боли.

Раздосадованный начальник забрал фонарь и, не дожидаясь меня, решительно зашагал по коридору.

— Стойте! — выдохнул я ему в спину, отыскал сбитый с головы котелок и поспешил следом, но прежде чем успел нагнать, Роберт Уайт уже ворвался в зал с каменными колоннами, подпиравшими высокий потолок.

— Ури? — послышался недоуменный возглас. — Ури, поц, какого беса ты сюда приперся?!

Инспектор вскинул руку с «Гидрой», беря на прицел застигнутого врасплох злоумышленника, и скомандовал:

— Руки вверх! Бросай оружие!

В ответ раздался явственный щелчок взведенного курка; и раздался он в противоположном углу, у инспектора за спиной!

— Сам бросай! — сипло выдохнул второй грабитель, выступая из-за каменной колонны с пистолетом в руке.

Его напарник вмиг воодушевился и выхватил карманный кольт.

— Съел, легавый? — оскалился он.

Инспектор к подобному повороту оказался не готов и замер в замешательстве, а вот я колебаться не стал.

Выступил из коридора, крикнул:

— Полиция! — И для пущего эффекта пальнул в потолок.

В ответ хлопнула пара выстрелов; Роберт Уайт осел на кучу щебня с простреленной грудью, детектив-констебль Орсо выронил дымящийся пистолет и мешком повалился на пол. Во лбу у него зияла черная дыра, он умер мгновенно. А вот инспектор скреб ногами по камням и никак не желал подышать. Кровь пузырилась на его губах, и все же упрямец собрался с силами и приподнял руку с пистолетом.

Тогда я прострелил ему голову. Просто вскинул «Рот-Штейр», прицелился и потянул спуск. Будто на стрельбище.

— Дерьмо, — выдохнул инспектор Уайт.

— Дерьмо, — подтвердил я, вытащил из кармана жестянку с леденцами и дрожащей рукой отправил в рот первую попавшуюся конфету.

Роберт осветил кучу щебня с грабителем, который после смерти вновь стал самим собой, затем перевел луч фонаря на его подельника. Смерть вернула истинный облик и ему.

— Как?! Как ты это сделал? — потребовал ответа инспектор, машинально ощупывая собственную грудь, совершенно невредимую. — Как ты заставил их убить друг друга?

Я пожал плечами, вроде как беспечно.

— Они боялись. Боялись налета полиции, боялись обвала, боялись удара в спину от ненадежных подельников. Я просто воспользовался их страхами, заставил их видеть то, чего нет. Это мой талант, вы же знаете.

— Но я тоже это видел! — рявкнул Роберт Уайт, с шумом переводя неровное дыхание. — Проклятье! Я видел, как ты застрелил меня! Ты! Меня!

— Страх есть в каждом, — спокойно подтвердил я. — Неужели вы никогда не задумывались о возможном ранении или даже гибели? Уверен, вы опасаетесь этого, как и все остальные. Издержки профессии.

— Хочешь сказать, будто способен менять силой мысли саму реальность?

— Скорее, силой воображения. У меня чрезвычайно живое воображение. — Я посмотрел на подстреленного грабителя и покачал головой. — И нет, для изменения реальности моих сил недостаточно. Я лишь слегка перелицевал ее, только и всего.

О том, каким именно образом чужие страхи питают мой талант, говорить не стал. В противном случае разговор мог зайти слишком далеко; обвинение в черной магии — это серьезно даже для сиятельного.

Инспектор только покачал головой и убрал пистолет в кобуру. Я последовал его примеру и спросил:

— Что теперь?

— Не знаю, — ответил Роберт Уайт и осветил подземный зал. — Не вижу пролома в банк.

— Возможно, его еще не выкопали?

— Или он не здесь, — решил инспектор и позвал меня за собой: — Идем! Эту падаль отправим в морг утром.

Оставив мертвецов на залитом кровью полу, мы вернулись к развилке и зашагали по второму коридору. Вскоре Роберт Уайт замедлил шаг и поднял фонарь, направляя яркий луч в черный зев пустого дверного проема. Тьма сразу попряталась по углам небольшого зала с высоким куполом потолка, и мы увидели ряды запыленных скамей, каменных и отшлифованных лишь сверху.

— Проверь! — приказал инспектор.

После недавнего инцидента желания лезть напролом у него изрядно поубавилось.

Прежде чем шагнуть внутрь, я на всякий случай вытащил из кобуры «Рот-Штейр», но оружие не понадобилось: в небольшом помещении никого не оказалось, как не оказалось и другого выхода.

Тупик.

Тупик — да, но что это за помещение?

— Странно... — пробормотал я, возвращая пистолет в кобуру.

— Что там у тебя? — Инспектор протиснулся мимо меня и повертел фонарем из стороны в сторону. — Похоже на заброшенную часовню, — объявил он и решил: — Давние дела.

— Вполне вероятно, — кивнул я, соглашаясь. — Посветите туда, будьте любезны! — попросил я начальника, указав в конец помещения, где, по моим предложениям, некогда находился алтарь.

Роберт Уайт небрежно мазнул лучом фонаря по дальней стене и направился на выход.

— Идем! — позвал он, но я не смог даже слова вымолвить, будто паралич разбил.

Да паралич и разбил. Ведь на меня взирал *падший*.

Прямо здесь и сейчас он смотрел на меня, и его бездонные глаза вбирали в себя всю тьму, злобу и несправедливость этого мира; всю — и немного сверху.

Впрочем, немного ли?

Не уверен...

Сознание вернулось хлесткой пощечиной.

— Детектив-констебль! — прорвался в забытье рык инспектора. — Очнитесь немедленно!

Я жадно глотнул воздух и отполз к ближайшей скамье, там уселся на пол, прислонясь к ней спиной, и стиснул ладонями виски в жалкой попытке не дать взорваться многострадальной голове.

— Что с тобой, Лео? — Роберт Уайт опустился на корточки и потормошил меня за плечо. — Что случилось?!

— Падший, — выдохнул я. — Там...

Инспектор обернулся к дальней стене, затем уставился на меня с нескрываемым раздражением.

— Ты бредишь, Лео? — язвительно поинтересовался он. — Это просто статуя!

— Вовсе нет! Это падший, говорю вам!

Роберт Уайт озадаченно хмыкнул и снова осветил стену.

— Это статуя, — заявил он после недолгой заминки, но уже не столь уверенно. — Странная статуя...

Изваяние и в самом деле поражало своей неправильностью. Оно было проработано до мельчайших деталей, буквально до каждой ворсинки, волоска, складки мраморной кожи, — но только выше пояса. Ноги скрывались в стене, более того — их не вмуровали, они просто сплывались с кладкой в единое целое, словно падший рвался на волю и лишь самую малость не успел освободиться из каменного плена.

— Разве вы не чувствуете, инспектор? — спросил я, переборол слабость и оперся о скамью. Поднялся с пола и повторил вопрос: — Разве вы не чувствуете?

На падшего лишний раз старался не смотреть. Если начистоту, старался не смотреть вовсе. Падший, пусть даже и в каменном обличье, давил ощущением беспредельного могущества и острой чуждости этому миру. Каждая черта каменного лица поражала своим совершенством, но все вместе они сливались в нечто столь идеальное, что ничего человеческого в застывшей маске не оставалось вовсе.

Идеал без малейшего изъяна.

Мертвый идеал.

И этот идеал подавлял.

— Не чувствую чего? — не на шутку разозлился Роберт Уайт. — Ты бредишь, Лео!

— Вы же сиятельный! Вы не можете этого не ощущать!

Инспектор ожег меня гневным взглядом, подступил к статуе и решительно приложил ладонь к каменной груди. Я невольно проследил за ним взглядом и сам не заметил, как моим вниманием вновь завладело мраморное изваяние; завладело целиком и полностью. Падший увеличился в размерах, заполняя собой все помещение, его раскинутые в разные стороны каменные крылья засветились изнутри янтарным сиянием, но в часовне от этого стало лишь темнее. И глаза... черные глаза больше не были мертвы, их заполонила беспредельная тьма. Тьма и нечто еще, нечто вроде презрительного недоумения.

Чужая воля невидимой рукой вновь придавила к полу, забралась в голову, порывом призрачного ветра перевернула воспоминания. Я попробовал перебраться к выходу, но руки и ноги окончательно отнялись, и уж не знаю, чем бы все это закончилось, если б не хлопнул перегоревший фонарь. Задымилась проводка, помещение наполнил запах горелой резины, и эта едкая вонь помогла совладать с жутким наваждением, сбросить оцепенение и вывалиться в коридор.

Роберт Уайт выскочил следом, вздернул меня на ноги, локтем придавил к стене.

— Что за дьявол?! — прорычал инспектор, брызжа слюной.

— Это падший! — выкрикнул я, отодрал от себя руку начальника и потихоньку, по стеночке продолжил отодвигаться от жуткой часовни. — Не знаю, как его обратили в камень, но это самый настоящий падший! Надо сообщить властям. Надо завалить подземелье, пока он не вырвался на волю!

— Остынь! — одернул меня инспектор. — Даже если это так, сколько десятилетий он пылится здесь? Сколько веков? Ему не освободиться, Лео! Никак не освободиться.

— Я могу вернуть его к жизни. А если могу я, сможет и кто-нибудь еще!

Роберт Уайт даже отступил на шаг назад.

— Ты рехнулся! — заявил он.

— Нет! — уверил я начальника. — Это все мой талант, мое клятое воображение! Мне достаточно просто представить его свободным! Понимаете? Достаточно вообразить это, и он вырвется на волю! Освободить его просто, слишком просто. Надо завалить часовню!

— Что ты несешь?! — Инспектор вновь подступил ко мне и резко встряхнул за плечи. — Ты всегда говорил о страхе! О том, что именно чужие страхи питают твой талант и придают ему силу!

— Падший и есть сама сила! Чистая, ничем не замутненная сила!

Инфернальные создания являлись воплотившейся в материальном мире энергией. Они щедро делились своей властью с присягнувшими им смертными и походили на генераторы, только производили не электричество, а смерть, горе и разрушения.

И если малефики были вынуждены расплачиваться с выходцами из преисподней собственной душой и чужими жизнями, то мой талант позволял использовать силу потусторонних созданий напрямую, ведь страх и смертный ужас шагали с ними рука об руку.

Но падший был слишком силен. Падший подавлял своим неземным величием и яростным ураганом выметал из головы все образы, кроме собственного. Я был для него лишь инструментом, способным взломать проклятие и обратить каменную твердь в живую плоть; безвольной отмычкой, только и всего.

Участие в столь противоестественной метаморфозе неминуемо выжжет мне разум,

только с чего бы падшему печалиться по этому поводу? Инструментам свойственно ломаться, не так ли?

Но Роберту Уайту мои уверения убедительными не показались.

— Хватит! — приказал он.

— Нет, не хватит, инспектор! — забыв про субординацию, придвинулся я к собеседнику. — Разве падшие не повелевали силами, выходящими за границы человеческого понимания? Проклятье! Да вспомните, что они сотворили с Аравийским полуостровом! Они попросту оторвали от него изрядный кусок и зашвырнули через полмира в Атлантический океан! Им потребовался день, чтобы создать Атлантиду, один лишь день!

— Все это чушь собачья! — отрезал Роберт Уайт и оттолкнул меня обратно к стене. — Я сам во всем разберусь, понял? Никому ни слова. Ни Джимми, ни Билли, ни Рамону. Ни одной живой душе, ты понял меня, Лео? Это приказ!

— Слушаюсь, — согласился я хранить молчание, но без всякой охоты.

— Тогда идем.

Роберт Уайт отправился на выход, я поплелся следом и спросил:

— Сердце билось? Инспектор, вы чувствовали биение его сердца? Ведь чувствовали, так?

Инспектор с обреченным вздохом остановился и посмотрел на ладонь, которую прикладывал к каменной груди.

— Билось! — подтвердил вдруг он. — Оно билось, Лео. Но будь добр, держи язык за зубами. Хорошо?

— Хорошо, — сдался я, не став вступать с начальником в бессмысленные пререкания. — Только разберитесь с этим.

— Уж поверь, разберусь, — пообещал Роберт Уайт.

И я ему поверил. Разберется. Инспектор своего не упустит, не такой это человек.

Когда выбрались из лаза в подвал цирюльни, Рамон Миро с оружием на изготовку стоял у противоположной стены, контролируя одновременно и пролом, и задержанного.

— Что у вас стряслось?! — взволнованно спросил он, опуская лупару. — Я слышал выстрелы!

— Ничего не стряслось, — спокойно ответил инспектор и взял лежавший на столе пистолет. — Ровным счетом ничего, — повторил он и выстрелил в затылок стоявшему на коленях иудею.

Ури неуклюже завалился набок, по щеке его, пятная засыпной пол, заструилась тоненькая струйка крови. Тогда Роберт Уайт кинул пистолет обратно и в очередной раз выдохнул:

— Ничего!

— Что за дьявольщина? — изумился Рамон. — Инспектор, что происходит?!

Уайт ухватил констебля под руку и потянул того к лестнице.

— Рамон! — наставительно произнес он. — У тебя проблемы со слухом? Разве ты не слышал меня? Ничего не происходило и не происходит! Ничего! Тебя здесь вообще не было, Рамон. Оставь это мне.

— Как же так?.. — Констебль попытался было обернуться к застреленному иудею, но инспектор удержал его на месте и вновь подтолкнул на выход.

— Я сам обо всем позабочусь, — объявил он. — Идите! И пришлите сюда Джимми!

И мы пошли. Молча поднялись из подвала, поплутали в безмолвии пустых комнат, и только в глухом мраке заднего двора констебль решился выразить терзавшие его сомнения.

— Инспектор решил обчистить банк? — напрямую спросил он.

— Нет, — со смешком отверг я это предположение, но поскольку сослуживец явно ожидал чего-то более конкретного, отделался полуправдой: — Понимаешь, Рамон, возникли определенного рода сложности, и патрон принял их... так скажем, слишком близко к сердцу.

— Да ну? — с неприкрытым подозрением уставился на меня крепыш, заподозрив обман.

— Именно так, — подтвердил я. — До хранилища грабители добраться не успели, не переживай.

— Да мне-то что? Инспектору видней, — передернул Рамон плечами и отправился на поиски Джимми.

Я кивнул и двинулся следом.

Тебе — ничего, и мне — ничего.

Наше дело маленькое, пусть у начальства голова болит.

О, как наивен я был...

4

В обратный путь мы с Рамоном отправились своим ходом. Констебль оставил лупару в служебном экипаже и шагал налегке, но шагал с такой мрачной сосредоточенностью, словно волок на себе тяжкий груз. Не приходилось сомневаться, что его мучили сомнения по поводу обоснованности приказа инспектора, но обсуждать — и осуждать! — распоряжения начальства крепыш не собирался.

Я — тоже.

Если Рамона душили сомнения от недостатка информации, то мне, напротив, было известно слишком много. А то, что во многих знаниях — многие горести, умные люди подметили уже давно.

Мне было ничуть не менее тошно, поэтому и шли мы молча.

Сразу после Дюрер-плац констебль свернул налево и потопал под горку к Маленькой Каталонии; я двинулся в противоположном направлении и по обвивавшей склон холма дороге начал подниматься на Кальварию. Плотная городская застройка вскоре осталась позади, и вдоль дороги потянулись высоченные заборы, за которыми скрывались от нескромных взглядов особняки вышедших в отставку армейских офицеров, дипломатов и министерских чиновников.

Город давно окружил Кальварию со всех сторон, но вверх отчего-то никак не забирался, если не считать возведенной на самой вершине за несколько лет до свержения падших ажурной железной башни в двести два метра высотой. В ночное время та светилась сигнальными огнями, а молнии зачастую били в нее не только в грозу, но даже с ясного неба.

Когда Гюстав Эйфель увидел это ржавое чудовище, то загорелся идеей превзойти его и неведомо каким чудом не только получил монаршее одобрение, но и продал проект в городском совете Парижа. Впрочем, надо отдать должное его таланту архитектора — новая трехсотметровая башня, судя по открыткам, смотрелась куда элегантней своего прообраза.

Склоны холма взялись застраивать только четверть века назад, тогда один из участков и достался моему деду. Не графу Кóсице, который за всю свою жизнь и палец о палец не

ударил, а полковнику императорской армии в отставке Петру Орсо, деду со стороны отца.

Наш участок располагался на отшибе; с двух сторон он обрывался крутым склоном, с третьей шелестела листьями небольшая рощица. Уж не знаю, намеренно дед выбрал столь уединенное место или нет, но соседи нам обыкновенно не докучали. Никто не докучал, если начистоту; даже налоговые инспекторы обходили стороной.

По крайней мере, последние шестнадцать лет...

Когда впереди зашумел быстрый ручей, я свернул на обочину к сложенной из камней пирамидке и взял из нее верхний бульжник. После этого поднялся на крутой мостик, а стоило только раздаться внизу негромкому рычанию, со всего маху швырнул тяжеленный камень в мерцавшие недобрым светом глаза.

Рык немедленно стих, огоньки погасли.

Понятия не имею, что за тварь обитала внизу, но подобного обращения она не выносила.

По уму, стоило решить этот вопрос раз и навсегда, только вот жившие в округе отставники давно растеряли бывшее влияние, и в муниципалитете все их жалобы обычно пропускали мимо ушей. Никто из клерков не горел желанием самолично гоняться в ночи за неизвестной тварью, и даже те из местных обитателей, кто любил прихвастнуть своими африканскими сафари, ограничивались лишь обещаниями расчехлить ружья. Все верно: еще неизвестно, кто за кем будет охотиться.

К тому же неведомая тварь никому беспокойства не доставляла, по крайней мере, именно к такому мнению склонялся казначей общины после ознакомления с расценками профессиональных истребителей домашних крыс, бездомных собак и прочих урбанистических тварей.

За мостом дорога начала понемногу закручиваться к вершине холма, и уже через пару поворотов показался каменный забор, над которым чернели голые ветви деревьев.

Мне — туда.

Масляный фонарь у калитки, как обычно, не горел, но и так на воротах был отчетливо различим черный квадрат с диагональным алым крестом — карантинный знак аггельской чумы, выцветший и облупившийся.

Не став дергать шнурок звонка, я сдвинул с замочной скважины железную накладку и собственным ключом отпер замок. Распахнул калитку, под скрип ржавых петель захлопнул ее за собой и направился к темневшей в ночи громаде трехэтажного особняка напрямик через мертвый сад.

Вздымались к небу сухие деревья, тянулись в стороны скрюченные ветки с черными листьями, торчала из земли серыми ломкими копиями засохшая трава.

Особняк казался столь же мертвым, как и сад. Не светились окна, из труб не шел дым, не было слышно ни единого звука. Когда мне было пять лет, одной недоброй ночью сюда пришла смерть — все умерли, выжили только я и отец. Хотя насчет отца полной уверенности не было; в нем что-то надломилось и перегорело. Он больше не мог подолгу оставаться на одном месте, нигде не задерживался, не позволял себе обрасти вещами и привязанностями. Он, будто акула, пребывал в вечном движении, равняя между собой понятия «неподвижность» и «смерть».

И когда сегодня инспектор спросил, на кой черт мне понадобилось поступать на службу в полицию, я был откровенен с ним не до конца. Нет, счета и в самом деле требовали оплаты, но истинной причиной стало стремление отыскать тех, кто проклял это место и всех его

обитателей. И сделал это столь изощренно, что проклятие продолжало убивать на протяжении вот уже шестнадцати лет.

Проклятие...

Я вздохнул и запрокинул голову к небу, на котором безучастными стекляшками светились тусклые крапинки звезды. Проклятие привычно укололо затылок неуютным холодком, сдавило сердце, пробежалось по спине, но — впустую, не причинив никакого вреда.

Почему? Не знаю. Сколько ни ломал над этим голову, так и не разобрался. И выяснить, кто навлек на наш дом эту беду, тоже не удалось; не помог даже доступ к полицейскому архиву, который я получил со званием детектива-констебля. Просто не оказалось в протоколах расследования никаких зацепок; да и следствия как такового не велось.

Аггельская чума — и дело с концом.

И я отступил; у меня не было лишнего времени ворошить прошлое. Я просто дожидался совершеннолетия, успокаивая себя тем, что семейные деньги позволят забросить службу и посвятить себя поиску истины.

Но не знаю, уже не знаю...

Передернув плечами, я поднялся на крыльцо и распахнул незапертую дверь. Кинул котелок на полку в прихожей, и тут в темном коридоре мелькнул огонек керосиновой лампы.

— Все в порядке, виконт? — поинтересовался худощавый мужчина средних лет в старомодном сюртуке.

— В полном, Теодор, — усмехнулся я. — Лучше не бывает.

Теодор Барнс был дворецким. Он служил роду Кóсице всю свою жизнь, как до того моим предкам служили его отец и дед. Я помнил дворецкого с тех самых пор, с каких помнил самого себя.

— Вам что-нибудь понадобится?

— Нет, благодарю, — качнул я головой, но сразу прищелкнул пальцами и поправился: — Нет, постой! Подготовь комнату на третьем этаже, у нас будут гости. Гость...

Теодор был потомственным дворецким; он умел держать удар, как никто другой, и обычно не позволял себе проявления сильных эмоций, но сейчас проняло и его.

— Что, простите? — переспросил Барнс, не сумев скрыть изумления. — Но как же так...

Я успокаивающе похлопал слугу по плечу, легкомысленно бросил:

— Положись на меня, — и отправился в спальню.

Там сразу зажег газовый рожок, затем разделся, убрал пиджак, брюки и сорочку в платяной шкаф, разрядил «Рот-Штейр». А вот «Цербер» разрядить не стал и положил его к снятому хронометру на прикроватную тумбочку.

Потом запалил ночник, проверил, заперты ли ставни, и лишь после этого погасил газовое освещение.

Смешно?

Не знаю, не знаю.

Жизнь научила меня не игнорировать свои страхи, сколь надуманными бы они ни казались.

Ночник должен гореть, ставни — быть запертыми, а на прикроватной тумбочке — лежать заряженный пистолет.

Точка.

Утро прокралось в спальню беспокойным солнечным лучиком, что отыскал прореху в рассохшихся ставнях и принялся светить в глаза.

Я перевернулся на другой бок, но сразу взял себя в руки и, вопреки обыкновению, разлеживаться в постели не стал. Прошлепал по холодному полу босыми ступнями, одно за другим распахнул окна и на всякий случай придиричиво осмотрел толстенные доски ставен на предмет свежих царапин.

Но нет — новых не появилось.

Утренняя свежесть заполонила комнату как-то очень уж резво; я отошел накинуть халат, после вернулся к выходившему на восточную сторону окну. С пригорка открывался неопиcуемый вид на старые районы города, на все эти островерхие крыши, золоченые башенки, дворцы и сады. Много дальше маячила серость фабричных окраин; там тянулись к небу многочисленные трубы, а в тучах исторгаемого ими дыма неторопливо плыли грузовые дирижабли.

Говорят, раньше в ясную погоду с вершины Кальварии был виден океан, но ясные дни в Новом Вавилоне встречались реже, чем жемчужины в сточных ямах. Дым, гарь и смог накатывали на город со всех сторон.

Плевать! Я передернул плечами и отошел к тумбочке. Защелкнул на запястье браслет хронометра и принялся одеваться, а в голове, будто заевшая грампластинка, крутилось: «Воскресенье. Воскресенье. Воскресенье!»

Бал!

В четыре часа пополудни начнется бал, и если на нем что-то пойдет не так...

Об этом не хотелось даже думать.

Усилием воли я заставил себя позабыть о дурных предчувствиях и отправился в ванную.

— Комната готова? — спросил у попавшегося на обратном пути Теодора.

— Готова, виконт, — подтвердил дворецкий и пригладил черные как смоль бакенбарды. — Какие вести из Нового Света?

— Все по-прежнему, — сообщил я. — Хьюстон в осаде, по всей линии фронта идут позиционные бои.

— Ацтеки никак не угомонятся, да? — покачал головой Теодор и предложил: — Хотите осмотреть гостевую комнату?

— Это лишнее, — отказался я и спустился на первый этаж.

Живот подводило от голода, но завтракать дома я обыкновения не имел и по выходным захаживал в итальянскую таверну неподалеку, где мне был открыт кредит. А поскольку сегодня привычный распорядок дня полетел в тартарары, оставалось лишь глотать слюну в ожидании вечернего приема.

Я досадливо глянул на хронометр, и тут в прихожей звякнул колокольчик.

— О! — многозначительно произнес дворецкий, не отстававший от меня ни на шаг.

Известие о прибытии гостя попросту выбило его из колеи. Впрочем, меня это обстоятельство нервировало несказанно больше. Во многих знаниях — многие горести, все верно.

Тем не менее я своей растерянности выказывать не стал.

— Оставь это мне, Теодор, — отослал я слугу, вышел из дома и поспешил к воротам. На ходу нацепил на нос очки — и круглые темные окуляры враз вернули уверенность в собственных силах.

Сомнения оставили меня; я решительно распахнул дверь и улыбнулся молодой девушке с огненно-рыжими волосами, правильными чертами симпатичного округлого лица и бесцветно-светлыми глазами *сиятельной*. Фигуру гостьи скрывал длинный плащ, но я и так знал, что сложением она могла дать фору самой Афродите. Стройные бедра, осиная талия, высокая грудь...

— Елизавета-Мария! — со всем возможным радушием улыбнулся я, прогоняя вставшее перед глазами видение. — Словами не передать, как меня радует, что вы сочли возможным принять приглашение...

— Леопольд, вы были чрезвычайно убедительны, — легко рассмеялась девушка, передавая объемный дорожный саквояж. — Вы просто не оставили мне выбора!

— Надеюсь, не нарушил ваших планов...

— Нисколько, уверяю вас!

Блеснули в улыбке белоснежные зубы, и с некоторой долей отстранения я решил, что лишь тонкие бледные губы не позволяют причислить Елизавету-Марию к писанным красавицам. Но заострять на этом внимание не стал и поспешно отступил в сторону, впуская гостью внутрь:

— Проходите, прошу вас!

Девушка ступила за ограду, окинула взглядом мертвый сад и не удержалась от озадаченного возгласа:

— Миленько...

Солнечным утром черные деревья выглядели далеко не столь зловеще, нежели глухой ночью, но все же я счел нужным поправить гостью:

— Оригинально. Непривычно. Вызывающе. Но никак не миленько.

Елизавета-Мария бросила на меня внимательный взгляд и медленно кивнула:

— Как скажете, Леопольд.

Мы поднялись на крыльцо и прошли в дом, там я передал саквояж дворецкому и представил слугу гостье.

— Это Теодор, по всем вопросам обращайтесь к нему. К сожалению, мне придется отлучиться по делам.

— К вашим услугам, госпожа, — торжественно объявил дворецкий, принимая у девушки плащ.

Елизавета-Мария благосклонно улыбнулась в ответ, сняла шляпку, тряхнула тяжелой копной волос.

— Леопольд, неужели ты собираешься вот так сразу бросить меня одну? — проворковала она. — Мы могли бы...

Я нервно сглотнул и поспешил взять ситуацию под контроль, а точнее, взял под руку девушку и провел ее в гостиную.

— Бал в четыре, — напомнил там гостье. — Надо забрать у портного костюм. А твоё вечернее платье...

— Не беспокойся об этом, дорогой, — ответила девушка и остановилась напротив камина, где ее внимание привлекла висевшая на стене сабля.

— «Капитану Орсо за личную доблесть. Зюйд-Индия, тридцатое октября тысяча восемьсот тридцать седьмого года от К. Н.», — пригляделась Елизавета-Мария к выгравированной на клинке надписи. — Это оружие твоего отца? — повернулась она ко мне.

— Деда, — покачал я головой. — Он отличился при штурме Батавии. Получил тогда чин

капитана и наследное дворянство.

— Ах да! — сообразила девушка. — Тринадцатый год от основания Второй Империи! Сорок лет назад, большой срок.

— В отставку дед вышел в полковничьем звании. Этот дом выстроил он...

Но история особняка Елизавету-Марию не заинтересовала, она как замороженная продолжала рассматривать саблю, и в светящихся девичьих глазах колыхалось при этом нечто на редкость неуместное.

— Кровь, — прошептала она. — Эта сабля собрала богатую жатву...

— Дед был лучшим саблистом полка, — сообщил я, потом стряхнул невесть с чего вернувшуюся было неуверенность и произнес: — Теодор покажет тебе комнату. Я буду к обеду.

— Как скажешь, Леопольд, — кивнула девушка и неожиданно спросила: — Сабля заточена?

— Кажется — да, — вздохнул я и отвернулся к дворецкому, который стоял в дверях и наблюдал за нами с нескрываемым изумлением. — Теодор! — повысил я голос, привлекая внимание отвыкшего за последние годы от гостей слуги.

Тот вздрогнул, поднял саквояж и попросил девушку:

— Следуйте за мной, госпожа.

Елизавета-Мария отправилась в гостевую комнату; на лестнице она слегка приподняла юбку платья, и вышло это на редкость элегантно.

У меня аж сердце стиснуло. Накатил озноб; странная смесь вожделения, облегчения, страха и презрения заполнила душу, но предаваться самобичеванию я не стал, схватил с полки котелок и опрометью выскочил из дома.

Пока шагал до ворот, перед глазами маячила ржавая макушка башни на вершине холма. Сейчас вздымавшийся к небу ржавый перст не сиял в темноте навигационными огнями и вызывал смешанные чувства: поражал ветхостью и одновременно давил мощью. Будто нечто забытое, нечто совсем из другой эпохи. А из прошлого или будущего — даже не скажу...

Казалось, давно должен был привыкнуть к этому виду, но нет — всякий раз мурашки по коже.

Когда распахнул калитку, под ноги выпал всунутый в щель конверт, без марок и надписей. Я озадаченно оглядел пустынную дорогу, поднял его и выщелкнул титановый клинок складного ножа. Вспорол клапан, ознакомился с лаконичным посланием и обреченно выругался.

Инспектор Уайт назначил встречу на полдень, а я вовсе не был уверен, что успею к этому времени освободиться. И более того — что вообще хочу сегодня видеть инспектора.

Я вновь выругался, на этот раз в голос, и зашагал под горку. Переходя через мост, не удержался, чтобы не глянуть вниз, но там никого не оказалось, лишь журчала прыгавшая по камням вода.

От портного я вышел во взятом напрокат костюме-тройке, нестерпимо модном и столь же нестерпимо броском, и с абсолютно пустым бумажником. Денег не осталось даже на обед, но испортить настроение это обстоятельство уже не могло.

Если вечером что-то пойдет не так, безденежье будет меньшей из моих проблем. Точнее — проблемой это уже не будет.

Ну в самом деле — зачем мертвецу деньги?

К тому же еще оставался инспектор. Какого дьявола ему понадобилось от меня в выходной?!

Переложив в левую руку пакет со старым костюмом, я побренчал мелочью, ссыпал блестящие монетки обратно в карман и зашагал к набережной Ярдена. Там воскресным утром оказалось не протолкнуться от празднующих горожан, и очень скоро мне надоело ловить на себе заинтересованные взгляды нарядных барышень, их ничуть не менее расфуфыренных кавалеров и уличных торговцев. Тогда свернул на бульвар де Карта и вновь прогадал: обычно тихую улочку запрудила разношерстная публика, печальная и тихая. И только вопли раздававшего листовки пацана разносились над толпой, как разлетаются над пустынным берегом крики чаек.

— Полировочная машина на шесть ножей! Патентованная конструкция! — верещал чумазый паренек, рассовывая прохожим рекламу. — Просто крутите ручку! Блеск обеспечен! Легко как никогда!

Я взял мятый листок и придержал мальчишку.

— Что за манифестация? — спросил у него.

— Дирижера какого-то хоронят, — легкомысленно ответил тот. — Потерял палочку любимую и в петлю, чудик, полез.

На нас начали оглядываться, но пацана это несколько не смутило.

— Струной удавился, дурик, — продолжил он и резко вскинул вверх большой палец. — Голова — чпок!

— Понятно, — кивнул я и зашагал прочь.

Сзади нагнал крик:

— Паровой утюг! Домашним хозяйкам в помощь! Гладьте быстро!

И сразу тихий гул почтенной публики, что медленно шествовала к императорскому театру, перекрыла яростная свара сцепившихся за территорию мальцов.

В этом — весь Новый Вавилон: чужая смерть здесь не стоит даже минуты тишины.

Ничего не стоит, если на то пошло.

И никогда не стоила.

Выкинув рекламную листовку в первую попавшуюся урну, я свернул на соседнюю улицу, взглянул на хронометр и прибавил шаг.

Императорский театр скрылся из виду, и дугой выгнувшаяся улица привела меня к замощенной брусчаткой площади, посреди которой стоял засиженный голубями памятник великой троице — Амперу, Ому и Вольте.

А вот лекторий «Всеблагото электричества», рвавшийся к небу двумя стальными мачтами, пернатые вредители облетали стороной. И немудрено — вокруг огромных медных шаров, что венчали изящные конструкции, трепетали короны электрических разрядов. Они то и дело вспыхивали ослепительными искрами, и тогда всякий раз над площадью разносился явственный щелчок, но испуганно втягивали головы в плечи лишь приезжие провинциалы, а расположившиеся на открытых верандах многочисленных кафе горожане даже не отрывались от газет.

Огромная катушка Николы Теслы должна была потреблять просто чудовищную прорву энергии, и с какой целью ученые мужи день за днем, месяц за месяцем транжируют электричество на демонстрацию собственного величия, всегда оставалось для меня загадкой. И только теперь, когда рукотворные молнии сверкали прямо над головой, я в полной мере ощутил могущество науки.

Безмерная мощь — вот что на деле олицетворяло творение Николы Теслы.

Мощь и безопасность.

Клокотавшая вокруг энергия могла разорвать в клочья и развеять в прах любое inferнальное создание. Любой, пусть даже самый могущественный демон за пару секунд сгорит здесь в благодатном огне электрических разрядов; не просто низвергнется в преисподнюю со слегка подпаленной шкурой, а будет уничтожен раз и навсегда.

От электричества нет защиты, электричество сильнее магии!

Брусчатка под ногами слегка подрагивала, сотрясаясь в такт мощному паровому генератору в подземельях лектория, и эта дрожь странным образом придала уверенности. Я снял с головы котелок, прошел внутрь комплекса и оглядел залитое ярким электрическим светом помещение. Инспектор на глаза не попался, пришлось под доносившуюся из тарелок громкоговорителей лекцию отправиться на поиски невесты что позабывшего здесь начальника.

Тот отыскался в западном крыле комплекса. Небрежно закинув ногу на ногу, Роберт Уайт откинулся на спинку деревянной скамьи и с отрешенным видом разглядывал батальное полотно «Великий Максвелл побивает падшего». Я инспектора от его раздумий отвлекать не стал, молча уселся рядом и прислушался к лекции.

— Мы с вами живем в удивительное время, время перемен! — разносилось из слегка похрипывавших динамиков. — Старый мир корчится в судорогах, уходит эпоха пара, наступает эра электричества! Но как явление на свет человека происходит в муках, так и родовые схватки прогресса перетряхивает действительность, порождая конфликты. Величайшие умы нашего времени Никола Тесла и Томас Эдисон диспутируют по поводу путей развития электричества, но не уподобляйтесь охочим до сенсаций газетчикам, что смакуют непонятные обывателю термины. В спорах рождается истина! Помните! Постоянный ток или переменный — неважно, это в любом случае электричество! Всеблагое электричество! Знание в чистом виде!

Тут инспектор повернулся ко мне и спросил:

— Ты ведь знаешь историю Максвелла, Леопольд?

— Кто не слышал о великом Максвелле и его демоне! — удивился я.

— О его падшем, — поправил меня начальник. — Максвелл заставил служить себе падшего.

— И что с того?

— С того, что я не хочу всю жизнь прозябать в безызвестности! — яростно сверкнул глазами Роберт Уайт. — Я не хочу следующие четверть века рвать жилы лишь затем, чтобы в итоге просто стать старшим инспектором. И это в лучшем случае! Это если не обскачет по протекции какой-нибудь молокосос! А теперь появился шанс разорвать этот замкнутый круг, понимаешь?

— Боюсь, нет, — отстраненно произнес я в ответ.

Но я понимал, я все понимал. И понимание это угнездило в груди колючим обломком льда. Мне не хотелось слышать то, что собирался сказать инспектор дальше.

Инспектора это, впрочем, несколько не волновало.

— Тот падший в подземелье, — медленно произнес он, разглядывая правую ладонь, — он был настоящим, ты все верно сказал. Я почувствовал его сердцебиение, почувствовал биение сердца мраморного изваяния!

— И что с того?

— Если он освободится... — прошептал Роберт Уайт, но сразу поправился: — Если ты освободишь его, мы получим такую власть, о которой и мечтать не могли!

— Нет! Он просто испепелит нас на месте! — возразил я, не став уверять собеседника, будто не сумею вырвать падшего из каменного плена.

Роберт Уайт только рассмеялся.

— Падшие давно растеряли свое могущество, — легкомысленно заявил он. — Это первую тысячу лет они властвовали безраздельно, но чем дальше, тем больше теряли свою ярость. Падшие перестали быть Карой Небесной и заигрались во властителей. Кто-то возомнил себя миродержцем, кто-то сделался затворником. В итоге они превратились лишь в тень былых себя. Наши отцы и деды в Ночь титановых ножей залили их кровью всю Атлантиду и полмира в придачу, так неужели ты думаешь, будто мы не справимся с одним-единственным падшим?

— Справимся — и что дальше? — поморщился я. — Совладаем мы с падшим, подчиним его себе, думаете, как отнесутся к этому остальные? А я скажу! Императрица велит живьем содрать с нас кожу, четвертовать и поджарить на медленном огне, а это, говорят, крайне неприятная процедура!

— Рад видеть, что ты сохранил чувство юмора, Лео, — недобро глянул на меня инспектор своими бесцветными глазами. — Насчет этой старой клячи можешь не беспокоиться, она всего лишь вдова императора, а кронпринцесса — вечно больная девчонка. Людям нужна сильная рука! Старая аристократия веками лизала пятки падшим, им придется повиноваться — это у них в крови.

Я этой уверенности начальника не разделял. Когда шестнадцать лет назад после смерти императора его родной брат, великий герцог Аравийский заикнулся о своих претензиях на трон, то и его самого, и всех близких родственников в одночасье скосил пришедший из Африки грипп. Мало кто сомневался, что к столь внезапной кончине приложила руку ее императорское величество.

И ведь он был ее деверем! А мы? Мы с инспектором — просто прах под ее ногами!

Поэтому я со всей возможной уверенностью произнес:

— Старая аристократия давно лишилась влияния.

— Именно поэтому они поддержат нас! — с фанатичной уверенностью выдал в ответ Роберт Уайт. — Я не такой идиот, чтобы затевать открытый мятеж, но мощи даже одного падшего хватит, чтобы изменить расстановку сил!

— Мне это не нравится, — честно признал я.

— Мне тоже, — покладисто кивнул инспектор. — Но такой шанс упускать нельзя. — Он покачал головой и вновь уставился на раскрытую ладонь. — Я чувствовал, как бьется его сердце. Его обратили в камень, но не смогли убить. Я чувствовал его силу, прикоснулся к ней...

— Если правая рука искушает тебя, отруби ее, — отстраненно произнес я, глядя на Максвелла, который обуздывал падшего электрической плетью; во все стороны летели брызги огня и обрывки белоснежного пера. — Падший искушает вас, инспектор.

— Прикуси язык! — резко бросил Роберт Уайт. — Я неспроста назначил встречу именно здесь! Мой разум свободен, никакие чары не достанут нас в этом месте!

— Как скажете.

— Так ты поможешь или нет?

— Не нравится мне это, — упрямо повторил я.

— Предпочтешь прозябать на двадцать тысяч годовой ренты, когда мог бы вознестись на самый верх?

— Возносятся на небо, — хмыкнул я. — Но мы ведь не верим в эти сказки? Зато нам достоверно известно о существовании ада. Вот туда и отправимся, если вы не образумитесь.

— Чушь! — оборвал меня инспектор. — Так да или нет?

— Мне надо подумать.

— Прими правильное решение, — скривился Роберт Уайт, поднялся со скамьи и зашагал на выход; трость подрагивала в его руке, словно хвост рассерженного кота.

Я прихватил оставленную им газету и на ватных ногах поплелся следом. Вышел за ворота лектория, в будке на углу купил газированной воды с малиновым сиропом, залпом выдул стакан и только тогда немного пришел в себя.

Сказать, что неожиданное предложение начальника выбило из колеи, — не сказать ничего. На самом деле, оно напугало, и напугало буквально до икоты, ведь это были вовсе не пустые фантазии, нет — Роберт Уайт имел обыкновение добиваться своего. При этом вряд ли он мог придумать затею безумней, нежели вернуть к жизни падшего и заставить служить себе. Даже обращенный в каменную статую, тот подавлял своей мощью, а когда вся его энергия выплеснется наружу...

Я передернул плечами и прошел в кафе, на вывеске которого помаргивали неровным светом полсотни электрических лампочек. Кафе так и называлось — «Лампа».

Внутри оказалось не протолкнуться от адептов «Всеблагого электричества»; механисты обедали, листали толстые научные альманахи и до хрипоты спорили, обсуждая последние научные веянья, но мне удалось приткнуться в относительно тихом уголке, под уютным и не таким уж ярким торшером.

Впрочем, место было тихим лишь относительно.

Яблочков! Ладыгин! Тесла! Эдисон!

Амперы, вольты, генераторы, цепи, разряды!

Электричество!!!

Я совсем уже собрался поискать какое-нибудь более спокойное заведение, но тут к столику подошел официант.

— Порцию мороженого, — попросил я, вовремя вспомнив о пустом бумажнике.

— Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо, — отказался я, загораживаясь газетой.

Как на грех, передовицу «украшала» фотография худощавой старушки с двумя засвеченными пятнами глаз — фото пленка оказалась неспособна выдержать взгляд ее императорского величества — императрицы Виктории.

Я поежился. Милая тетушка без колебаний скормит своим охотничьим псам то, что останется от меня после допросов. Именно так все и закончится, сомнений в этом не было ни малейших. И это если сначала не сожрет душу падший!

Надо ли говорить, что всерьез предложение инспектора я не рассматривал и рассматривать не собирался? Просто надо было решить, как отказать начальнику и не нажать при этом смертельного врага.

Сообщить в Третий департамент?

Я знавал немало людей, которые до глубины души презирали шпигов и даже заявляли об этом во всеуслышание, а ради своих шкурных интересов при малейшей возможности строчили кляузы на коллег и знакомых, но сам доносить не собирался.

Донос подобен бумерангу аборигенов Зюйд-Индии; опомниться не успеешь, как вернется и долбанет по голове. Слово против слова, и кому в итоге поверят: инспектору или детективу-констеблю? Нет, расклад был точно не в мою пользу.

— Ваш заказ! — объявил официант и выставил вазочку с мороженым. Отходить он не спешил.

Я выгреб из кармана пару монет по пятьдесят сантимов, бросил их на стол и углубился в чтение, желая хоть немного отвлечься от невеселых раздумий.

Не вышло.

Императрица Виктория завершила визит в восстановленный после зимнего наводнения Париж и вернулась в Новый Вавилон? На посадочной площадке бабушку встречала ее императорское высочество кронпринцесса Анна? Грядет пятнадцатилетний юбилей наследницы престола?

А мне-то что с того?

Меня сейчас волновали лишь просьба инспектора и... бал.

Я зачерпнул десертной ложечкой немного ванильного мороженого и кивнул.

Да, бал!

Проблемы стоит решать по мере их значимости. А если главный инспектор фон Нальц поджарит некоего детектива-констебля на медленном огне, намерение Роберта Уайта втравить того в неприятности уже не будет иметь решительно никакого значения.

Я должен дать ответ инспектору?

Проклятье! Для этого мне надо пережить сегодняшний вечер!

Взглянув на часы, я отложил газету, в два счета расправился с десертом и поднялся из-за стола. Подхватил пакет со старым костюмом и с облегчением покинул слишком шумное заведение.

Амперы, вольты, люмены...

ТЬфу!

На извозчика пришлось занять у Рамона Миро; благо, тот в такой малости отказывать сослуживцу не стал, только с усмешкой поинтересовался:

— Интересно, ты за год покроешь рентой все долги или не хватит?

— Уж десятку для тебя как-нибудь выкрою, — ответил я, пряча в бумажник пару мятых банкнот. О том, что долгов с процентами накопилось уже тридцать тысяч франков, говорить не стал.

— С аванса, — напомнил констебль.

— С аванса, — подтвердил я и отправился на поиски экипажа, приличествовавшего выходу в свет.

Доход от наследственного фонда за первые полтора-два года целиком и полностью уйдет на возврат долгов, поэтому перспектива лишиться жалованья детектива-констебля вгоняла в самую натуральную депрессию. Но не идти же из-за этого на поводу у инспектора! Жизнь дороже...

Домой я прикатил в открытой коляске, не роскошной, но вполне соответствующей случаю. Ливрея извозчика и вовсе оказалась изукрашена блестящими галунами почище генеральского мундира.

— Жди здесь, — велел я ему, отпер калитку и прошел в дом. А там присвистнул от

удивления, застав Елизавету-Марию в вечернем платье из розового атласа с драпировкой тюлем, бисером и стразами.

— Пора? — поинтересовалась девушка, примеряя у зеркала шляпку. Миниатюрный ридикюль дождался своего часа на полке.

— Пора, — подтвердил я.

Гостья подступила ко мне и взяла под руку.

— Тогда идем!

Я сдвинул очки на самый кончик носа и посмотрел на девушку поверх темных стекол. За время моего отсутствия она нанесла на лицо неброский макияж, и теперь накрашенные помадой губы больше не казались блеклыми и узкими.

— Что-то не так, Леопольд? — обворожительно улыбнулась Елизавета-Мария, без всякого сомнения довольная произведенным эффектом.

— Ты просто очаровательна, — ответил я, возвращая очки на место.

Мы спустились с крыльца и через мертвый черный сад зашагали к воротам.

— Как романтично! — неожиданно рассмеялась девушка и сорвала с цветника почерневшую гвоздику, мертвую, как и все вокруг. Изящные пальчики ловко обломали хрупкий стебель и вставили цветок в петлицу моего пиджака. — Вот так гораздо лучше!

Я обреченно вздохнул и попросил:

— Не делай так больше.

— Почему?

— Новые цветы уже не вырастут.

— О, Лео! — покачала головой моя гостья. — Ты тоже ценишь красоту мертвых цветов? Мы с тобой так схожи...

Я распахнул калитку, помог девушке забраться в коляску и, лишь когда тронулись с места, возразил:

— Дело не в этом. Просто я помню эти цветы еще живыми. Ценны связанные с ними воспоминания, а не их, как ты выразилась, красота...

— Надо ценить то, что имеешь, а не смотреть в прошлое, — укорила меня Елизавета-Мария. — Советую жить сегодняшним днем, дорогой...

— Как скажешь.

— Или это дом накладывает на тебя свой отпечаток? — продолжила ворковать девушка. — Твой дворецкий — тоже странный. Просто поразительное самообладание, никогда такого не встречала.

— Старая школа, — вновь отделался я парой слов, не желая говорить о Теодоре.

— Тебя что-то беспокоит, Леопольд? — присмотрелась ко мне Елизавета-Мария.

— А сама как думаешь? — мрачно глянул я на нее сквозь темные стекла очков.

Девушка только беззаботно рассмеялась.

— Все будет хорошо!

— Будем надеяться, — хмыкнул я и о просьбе инспектора распространяться не стал.

О просьбе инспектора не хотелось даже думать, не то что озвучивать ее вслух.

Вскоре узенькие улочки старых районов остались позади, и колеса перестали подпрыгивать на неровной брусчатке, но на смену тряске пришел затянувший улицы смог. Из-за дыма с фабричных окраин запершило в горле, и Елизавета-Мария замолчала, прикрыв лицо надушенным платочком.

Легче стало, лишь когда коляска повернула на Ньютонстраат и впереди замаячила

громада штаб-квартиры полиции. К центральному входу выстроилась целая вереница экипажей; извозчики высаживали пассажиров и сразу отъезжали, поэтому я условился с возницей, где именно он станет нас встречать после окончания приема, соскочил на тротуар и протянул руку спутнице. А когда та спустилась с подножки, задавил последние крохи сомнений и повел Елизавету-Марию к распахнутым настежь дверям Ньютон-Маркта.

Сорочка на спине взмокла от пота, во рту пересохло, в висках постукивали молоточки приближающейся головной боли, но я лишь улыбался и невозмутимо поглядывал по сторонам. Пригласительное стоявшему в дверях распорядителю и вовсе протянул с видом крайней беспечности; просто передал прямоугольник мелованной бумаги и отправился напрямик в зал, где обычно проводились собрания личного состава.

Сейчас оттуда доносились отголоски музыки, и Елизавета-Мария легко подстроила шаг под ритм веселой мелодии. Мне о подобной грациозности не приходилось даже мечтать, поэтому я просто шагал по коридору и раскланивался со знакомыми, что время от времени попадались навстречу. Ни с кем не разговаривал, разве что задерживался на секунду перекинуться парой ничего не значащих фраз.

Главный инспектор повстречался уже на входе в зал. Старикан был занят беседой с высоким толстяком и рыхлым юношей в бесстыдно дорогом костюме, но при моем приближении сразу оставил министра юстиции и его племянника и заступил нам дорогу.

— Виконт! — расплылся он в улыбке. — Представьте меня своей спутнице?

Я нервно сглотнул и через силу улыбнулся:

— Главный инспектор, моя невеста Елизавета-Мария Никли, сиятельная. Елизавета-Мария, руководитель полиции метрополии, главный инспектор фон Нальц.

— Виконт! — рассмеялся Фридрих фон Нальц, и в его глазах мелькнули отблески бесцветного пламени. — Не стоит так официально! Сегодня здесь собрались друзья и единомышленники. Никаких званий!

— Как скажете... Фридрих, — слегка склонил я голову.

— Проходите же! Проходите! — разрешил тогда главный инспектор и вернулся к прерванной беседе, а я повел Елизавету-Марию в зал.

— Это встречи с ним ты так панически боялся? — шепнула она мне.

— Боялся? Я? С чего ты это взяла?

Тогда девушка привстала на цыпочки и тихонько выдохнула в ухо:

— От тебя пахло страхом, Лео. И пахнет до сих пор. Почему?

— Ничего удивительного, — непринужденно улыбнулся я. — Один излишне болтливый приятель поставил меня в чертовски неудобное положение, а я терпеть не могу находиться в центре всеобщего внимания.

— Как скажешь, — лукаво улыбнулась Елизавета-Мария, не став больше настаивать на своем.

Я только передернул плечами и направил девушку к фуршетным столам у дальней стены.

— Не собираешься танцевать? — удивилась Елизавета-Мария. — Послушай, какая музыка!

— Нет слуха. Медведь на ухо наступил, — отделался я поговоркой, которую нередко слышал от отца.

— Ты просто...

— И пообедать не успел.

— Это аргумент! — рассмеялась девушка.

В итоге, прежде чем у столов началось форменное столпотворение, я успел расправиться с десятком канапе, а потом просто фланировал по залу с бокалом содовой. Елизавета-Мария ограничилась стаканом вишневого сока.

— Точь-в-точь как кровь, — сообщила она мне.

— Только кислый.

— Я имела в виду цвет.

— Артериальная — ярче, венозная — темнее.

— Ты невыносим!

— Нервы, — вздохнул я и, поскольку Елизавета-Мария давно находилась в центре всеобщего внимания, начал представлять девушку сослуживцам. И все бы ничего, но тут появился инспектор Уайт.

— Леопольд! — как ни в чем не бывало улыбнулся он. — Позволь, я украду на пару танцев твое сокровище!

— Разумеется, инспектор! — разрешил я без малейших колебаний.

Танцевать сегодня я в любом случае не собирался.

В этот момент оркестр на импровизированной сцене заиграл новую мелодию, Роберт и Елизавета-Мария присоединились к танцующим парочкам, а я вновь направился к фуршетным столам, старательно обходя при этом изредка мелькавшие в толпе знакомые лица.

Пустое! Но спрятаться не получилось.

— А она красивая, — раздалось вдруг за спиной. — И, говорят, немного похожа на меня.

Я резко обернулся и оказался лицом к лицу с дочерью главного инспектора. Елизавета-Мария фон Нальц заметно превосходила ростом мою спутницу, поэтому наши глаза были едва ли не на одном уровне. Мои — бесцветно-светлые, и ее — светло-серые, с ослепительными оранжевыми искорками. В такие глаза хотелось смотреть до бесконечности.

— Мало кто может сравниться с вашей красотой, сиятельная, — ответил я неуклюжим комплиментом и, не совладав с искушением, стянул темные очки.

По слухам, талантом сиятельной фон Нальц было умение завораживать людей взглядом, но меня это сейчас несколько не волновало.

— А вы льстец, виконт! — покачала головой дочь главного инспектора.

— Возможно, и льстец, — пожал я плечами, — но это не тот случай. И раз уж выпал случай, хочу принести самые искренние извинения за прискорбный инцидент с газетой. Поверьте, я и понятия не имел, что поэты столь несдержанны на язык.

Дочь главного инспектора только рассмеялась.

— Пустое! — заявила она, накрутив на палец рыжеватый локон. — Мне даже лестно было ощутить себя героиней светских сплетен. Да и папенька так забавно гневался...

Забавно? Вот уж не думаю.

Я кисло улыбнулся:

— Рад, что все разрешилось.

— Уверена, завтра все и думать забудут об этом недоразумении, — легкомысленно заметила девушка и полюбопытствовала: — Виконт, вы и вправду знакомы с Альбертом Брандтом? Его называют самым загадочным поэтом современности! Как вы познакомились?

— Дело было в... — Я запнулся, не сумел отвести взгляд от завораживающих девичьих глаз и неожиданно для себя самого ответил чистую правду: — В Афинах, если память мне не

изменяет...

— В Афинах?

Давление в висках сделалось невыносимым, и я подтвердил:

— Да, — но сразу нашел в себе силы поправиться: — Или в Ангоре, точно не помню. Альберт попал в сложное положение, и я оказал ему небольшую услугу. С тех пор мы общаемся.

— Как интересно! — охнула дочь главного инспектора. — Вы много путешествовали?

Вместо ответа я предложил:

— Елизавета-Мария, позвольте рассказать вам об этом за танцем? Полагаю, теперь это не вызовет ненужных кривотолков... — И обмер от собственной смелости в ожидании ответа.

— Разумеется, виконт!

Мы присоединились к кружащимся в вальсе парам, я начал вести девушку и сразу понял, что танцует Елизавета-Мария несравненно лучше меня и дабы окончательно не ударить в грязь лицом, следует отвлечь партнершу разговором.

И не наступить на ногу. Только бы не наступить ей на ногу...

— Мама умерла, когда мне было пять, — сообщил я девушке, — отца это просто подкосило.

— Мне очень жаль...

— Не припомню, чтобы мы с тех пор задерживались где-нибудь дольше, чем на полгода.

— Наверное, объехали всю империю?

— Нет, не всю, — рассмеялся я, смехом маскируя нервозность. — Но повидать довелось немало.

— И где понравилось больше всего?

Я ответил без колебаний:

— Новый Вавилон — сердце империи.

Соображениями, что он же — и разъедающая империю язва, делиться не стал.

— А ваш друг Альберт? — поинтересовалась Елизавета-Мария. — Он и в самом деле такой странный, как о нем говорят?

— Не более странный, чем остальная богема, — ответил я с видом многозначительным и даже загадочным. — Читали о дирижере, который наложил на себя руки из-за потерянной палочки?

— Да, просто ужас!

В этот момент музыка смолкла, и мне пришлось отступить от девушки.

— Приятно было познакомиться, виконт, — улыбнулась на прощание Елизавета-Мария и легкой танцующей походкой зашагала прочь.

Взгляд удивительных глаз прекратил дурманить сознание, и я выдавил из себя:

— Мне тоже. Мне тоже...

Во рту пересохло, нестерпимо захотелось промочить горло, но прежде чем успел дойти до фуршетных столов, меня перехватил Роберт Уайт.

— Ты подумал над моим предложением? — спросил начальник.

— Нет.

— Еще не подумал?

— Нет, инспектор, — покачал я головой и надел темные очки. — Я не буду этого делать.

— Как скажешь, — неожиданно покладисто пожал плечами Роберт Уайт и попытаться

переубедить меня не стал. — Но давай поговорим завтра на свежую голову. Пообещай, что подумаешь об этом.

— Подумаю, — пообещал я.

— На службу не выходи, сам тебя навещу, — предупредил инспектор, отсалютовал бокалом и отправился восвояси.

Проклятье! Последняя ремарка угодила прямоком в мою ахиллесову пятю. Если инспектор не передумает насчет отстранения от службы, аванса мне не видать как собственных ушей. А ведь он точно не передумает...

Я вновь беззвучно выругался, и тут кто-то взял меня под локоть.

— Леопольд, с тобой все в порядке? — спросила Елизавета-Мария, *моя* Елизавета-Мария.

— Да.

— Ты дышишь, словно загнанная лошадь.

— Здесь душно, — сказал я, рассеянно оглядываясь по сторонам. — Давай выйдем на свежий воздух.

Девушка после танцев несколько не запыхалась, даже синяя жилка на шее не стала биться чаще, а вот мне было откровенно нехорошо. Сердце постукивало как-то очень уж неровно.

— Решил улизнуть с этого праздника жизни?

— Неплохая идея, не находишь?

— Если ты уже закончил...

— Да, можно уходить.

Мы направились на выход, но в дверях нас вновь перехватил главный инспектор.

— Сиятельная, — улыбнулся жуткий старик, — позвольте на пару слов вашего кавалера...

Мы с Фридрихом фон Нальцем отошли к распахнутому окну, и там главный инспектор какое-то время молча смотрел на россыпь освещавших вечер электрических фонарей.

— Я впечатлен, виконт, — произнес он какое-то время спустя. — Вы крайне изворотливый молодой человек.

— Благодарю...

— Но! — неожиданно резко обернулся главный инспектор, и меня будто кипятком с головы до ног обдало. — Впредь держитесь от моей дочери подальше! Зарубите это себе на носу!

— В подобном предупреждении нет никакой необходимости, — уверил я собеседника, с трудом удержавшись, чтобы не сделать шаг назад.

— Вот и замечательно... — отстраненно промолвил старик. Глаза его постепенно потускнели, он несколько раз кивнул, словно соглашаясь с собственными мыслями, и вернулся в бальную залу.

Я проводил его пристальным взглядом, затем протянул руку приблизившейся Елизавете-Марии и вместе с ней отправился на выход.

— Чего он от тебя хотел? — поинтересовалась девушка, когда мы вышли на улицу.

— Если не вдаваться в подробности, — усмехнулся я, — главный инспектор сообщил, что мне с тобой повезло.

— С этим не поспоришь! — рассмеялась Елизавета-Мария искренне и заливисто.

Я вытер выступившую на лбу испарину и повел девушку по залитому электрическим

светом тротуару, на ходу высматривая дожидавшегося нас извозчика. Вместе с сумерками нахлынула и неуютная прохлада, и Елизавета-Мария зябко куталась в невесомую накидку.

— Задержишься у меня на пару дней? — спросил я, подсаживая девушку в коляску.

Вопрос развеселил девушку, и она вновь рассмеялась:

— Разумеется, дорогой. Я вся в твоём распоряжении.

— Вот и замечательно.

Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Будущее по-прежнему напрягало своей неопределенностью, и хоть теперь уже не приходилось опасаться гнева главного инспектора, угроза лишиться души пугала ничуть не меньше.

Механисты могут сколько угодно распинаться о всеблагое электричестве и протирать штаны в библиотеках, пытаясь обрести некое сакральное *знание*, но я не был столь наивен. Преисподняя существует, в этом сомневаться не приходилось, и мне вовсе не хотелось стать одним из ее обитателей. Пока же все к этому и шло.

И потеря жалованья на этом фоне уже как-то даже не расстраивала.

Некоторые вещи за деньги не купишь.

Домой добрались, когда на город уже накатила ночь. Среди домов она казалась глухой и непроглядно-черной, но с холма хорошо было видно, сколь неоднородны на деле ее владения. Часть Нового Вавилона и вправду капитулировала без боя и погрузилась во мрак до самого утра, но другие районы желтели неровным светом газовых фонарей, а над центром серебрились отсветы электрических ламп. И везде, на всех высотках мигали точки навигационных огней.

— Потрясающее место, — сказала Елизавета-Мария, опершись на мою руку и выбираясь из коляски. — Отсюда хорошо видна мимолетность бытия.

Я ничего на это замечание не ответил и завел девушку в дом. Там перепоручил гостью встретившему нас дворецкому, сам поднялся в спальню и с облегчением развязал шейный платок.

Вот и кончился этот безумный день. Вот и кончился...

Аккуратно сложив пиджак, жилетку и брюки, я убрал их в пакет и поставил у двери, чтобы прямо с утра отнести портному. Затем избавился от сорочки и, встав напротив ростового зеркала, скептически оглядел свое отражение.

Первое, что бросалось в глаза, — худой. Худой и долговязый, словно оглобля.

Пересчитать ребра совершенно не представляло проблемы.

Нескладный? Нет, просто худой. И хоть папа не переставал твердить, что «были бы кости, а мясо нарастет», в это пока совершенно не верилось. Худой — и точка.

Да и вообще не красавец. Слишком резкие черты лица, излишне длинный нос; неровные зубы тоже привлекательности не добавляли.

А в целом — ничего особенного, заурядный молодой человек двадцати одного года от роду. Впрочем, нет, не заурядный. Был бы заурядный, если б не глаза.

Пронзительный взгляд выцветше-светлых глаз сиятельного пугал подчас даже меня самого.

Никто не может пожаловать титул сиятельного. Сиятельным можно родиться, сиятельным можно стать. Точнее — можно *было* стать. Все падшие давно уничтожены, и никто больше не сумеет окропить себя их проклятой кровью.

Но все ли они уничтожены на самом деле? Я вспомнил о подземной часовне в

иудейском квартале, и настроение вмиг скисло, словно молоко на жаре. Казалось бы — куда еще хуже, но наивно полагать, будто достиг самого дна. Адская бездна бездонна.

Инспектор с меня точно не слезет...

— Вот это да! — присвистнули вдруг за спиной.

Я обернулся к застывшей в дверях Елизавете-Марии и досадливо поморщился.

Проклятье! Раньше запирать спальню никакой необходимости не было...

А девушка уже ступила в комнату, ничуть не смущенная тем, что я стою перед зеркалом в одних лишь кальсонах.

— Пустой крест! — ошарашенно прошептала она, и тонкие пальчики скользнули вдоль моего позвоночника. — Во всю спину. Больно было накалывать?

— Уйди, — попросил я, но тщетно.

Елизавета-Мария отступила к зеркалу и оценивающе взглянула на меня спереди.

— Восьмиконечная звезда на сердце, рыба с правой стороны, — продолжила она перечислять татуировки, — вокруг шеи — цепь, на позвонке — соединение букв «Р» и «Х», а на руке... — Она пригляделась к надписи, что несколько раз обвивала правый бицепс, но не сумела разобрать мелких буковок. — Это латынь? — спросила тогда.

— Pater Noster, — подсказал я, и девушка невольно отступила на шаг.

— Леопольд, да ты полон сюрпризов! — покачала головой Елизавета-Мария. — Но, ради адского пламени, зачем? С какой целью ты изукрасил себя почище египетского моряка?

— Папа не всегда объяснял мотивы своих поступков, — спокойно ответил я и взял брошенный на кровать халат.

— Оригинально, — озадачилась девушка. — Неужели ты никогда его об этом не спрашивал?

— Он не желал об этом говорить.

— Ты не спорил?

— Это было бы не слишком умно с моей стороны.

— Удивительно! — покачала головой девушка, потом откинула с лица рыжий локон и с задумчивой улыбкой произнесла: — Но знаешь, для симметрии не хватает чего-то на левой руке.

— У папы были на нее какие-то планы, — подтвердил я, затягивая пояс халата. — А теперь, если ты не против, я собираюсь лечь спать.

Елизавета-Мария приблизилась и шепнула:

— Мне остаться?

— Нет! — отрезал я излишне резко, но извиняться не стал. — Не надо.

— Не сегодня, — согласилась девушка и наконец оставила меня в покое.

Я запер дверь, разжег ночник и проверил все ставни. Затем потушил газовые рожки и улегся в кровать. Начал мысленно перебирать события сегодняшнего дня, попытался восстановить в памяти лицо дочери главного инспектора, но от ее образа остались лишь оранжевые искры в серых глазах да легкий аромат духов. И голос.

Под чарующие звуки этого голоса я и провалился в беспокойный сон.

опять забывался в полудреме, но вскоре просыпался вновь. Сон и явь перетекали друг в друга столь плавно и незаметно, что зачастую даже не было уверенности, в каком именно состоянии я пребываю.

Именно поэтому, в очередной раз проснувшись и обнаружив на табурете в темном углу незнакомого господина, я этому обстоятельству несколько не удивился. Пусть дверь спальни была заперта изнутри, а ставни надежно закрывали окна, но дерево и железо, увы, способны остановить далеко не всех.

— Господин Орсо, — с нескрываемой укоризной произнес некто в платье средней руки лавочника или небогатого клерка, — вам бы стоило с большим пониманием отнестись к просьбе инспектора Уайта. Вы многим обязаны ему. К тому же инспектор не забывает своих друзей. Джимми и Билли с ним не один год, он вытащил их из такой дыры, что и помыслить страшно. Пойдет в гору инспектор — пойдете в гору и вы. Его успехи — ваши успехи...

— Идите к черту! — с выражением выругался я и перевернулся на другой бок.

— Очень невежливо, господин Орсо, отворачиваться, когда с вами разговаривают! — оскорбился незванный гость и, вскочив с табурета, начал расхаживать по комнате из угла в угол. — Инспектор в любом случае добьется своего. Вы это знаете, и он это знает. Так к чему все усложнять? Зачем доводить дело до крайностей? Укротить падшего, уподобиться самому Максвеллу — это ли не захватывающее приключение?! Подумайте об этом!

— Максвелл плохо кончил, — пробормотал я себе под нос и натянул на голову одеяло.

— Инспектор так этого не оставит! — сорвался на крик незнакомец, а потом оглушительно хлопнуло, разлетелись по комнате раскиданные безделушки, распахнулись наружу ставни с выломанными запорами.

Я уселся на кровати и поковырял мизинцем в левом ухе, но звенеть в нем от этого меньше не стало.

Проклятье, как же это некстати!

В дверь заколотили, я отбросил одеяло и отпер засов; в спальню ворвалась Елизавета-Мария в одной лишь ночной сорочке, зато с тяжеленным подсвечником в руке.

— Что стряслось? — выкрикнула она, заметив учиненный незванным гостем разгром.

— Меня посетила Мара, — усмехнулся я, накинув халат. — Мара, только и всего.

— Простой кошмар? — с изумлением уставилась на меня девушка. — Это все из-за обычного ночного кошмара?

— Не совсем обычного, но в целом — да, — подтвердил я и многозначительно откашлялся.

Елизавета-Мария повернулась к прибежавшему на шум дворецкому, опустила взгляд на свое полупрозрачное одеяние, но ничуть этому не смутилась и покинула мою спальню без какой-либо спешки и с непоколебимым чувством собственного достоинства.

— Придется вставлять окна, Теодор, — вздохнул я тогда.

— Ничего страшного, виконт, — успокоил меня слуга. — С прошлого раза осталось достаточно стекол.

— И приберись тут, — попросил я, осторожно вышагивая меж валявшихся на полу безделушек. Быстро собрал в охапку одежду и отправился приводить себя в порядок в ванную комнату.

Там посмотрелся в зеркало, и, надо сказать, отражение не порадовало. Капилляры белков полопались, и обычно бесцветное сияние глаз сейчас заметно отсвечивало красным.

Впрочем, нестрашно. Темные очки созданы будто специально для таких случаев.

Взяв с полки щетку и жестянку зубного порошка, я избавился от неприятного привкуса во рту, прямо в ванной комнате оделся и вернулся к наводившему в спальне порядок дворецкому уже при полном параде.

— Сегодня на службу мне не надо, только отнесу костюм и вернусь, — сообщил я ему, взял валявшийся у стены бумажный пакет и зашагал к лестнице, но Елизавета-Мария перехватила меня на полпути.

— В доме есть хоть что-нибудь съестное? — выглянула она из своей комнаты, на этот раз приличия ради кутаясь в длинный халат.

— Попробую это организовать, — пообещал я, совершенно не представляя, где взять деньги на покупку провизии.

— Пойти с тобой?

— Не стоит, — отмахнулся я и сбежал на первый этаж. Дошел до ворот, обернулся и невесело усмехнулся, глядя на мрачный особняк.

В проклятии был один несомненный плюс: несмотря на три заклада и кучу просроченных платежей, никому из кредиторов и в голову не приходило отобрать у меня за долги дом. А кого такая мысль посещала...

Что ж, аггельская чума — это не та болезнь, которую можно вылечить парой таблеток аспирина.

До портного добирался пешком; денег не хватало не только на подземку, но даже и на паровик. Впрочем, торопиться было некуда, поэтому я без всякой спешки прошелся по знакомым улочкам, прикидывая, кто из моих немногочисленных приятелей согласится ссудить на неопределенное время хотя бы две-три десятки.

На ум приходил только Альберт Брандт, но видеть его хотелось в последнюю очередь.

Вернув костюм, я встал на крыльце ателье, достал жестянку с леденцами и отправил в рот малиновый.

— Ужасная катастрофа в Париже! — заголосил вдруг вывернувшийся из-за угла мальчонка, размахивая свежей газетой. — Погиб знаменитый Сантос-Дюмон! Крушение аэроплана! Взрыв порохового двигателя! Ужасная катастрофа в Париже!

Мальчишка орал так заразительно, что заваляйся в карманах хоть пара никелей, купил бы газету из чистого любопытства, но из бумажника пришлось выгрести все подчистую, поэтому я отвернулся и зашагал по улице.

Ужасная катастрофа? Ха! Ужасней моего финансового кризиса придумать катастрофу просто невозможно!

Где раздобыть денег? Где?!

Неожиданно я вспомнил о давешнем приглашении в Банкирский дом Витштейна и прищелкнул пальцами.

Точно! Сегодня понедельник, банк работает, а где банк, там и деньги. Вот туда и отправлюсь.

Но тут сидевший на лавочке господин опустил газету и улыбнулся, заметив мое неподдельное изумление.

— Присаживайся, Леопольд, — предложил инспектор Уайт. — Надеюсь, у тебя было достаточно времени обдумать мое предложение?

Я встал напротив начальника и кивнул:

— Достаточно. Я не стану этого делать.

Роберт Уайт и бровью не повел.

— Могу поинтересоваться, по какой причине? — только спросил он, услышав отказ.

— Не хочу, чтобы эта тварь сожрала мою душу.

— Не беспокойся, у тебя все получится.

— Получится? В падшем силы, как в ста тоннах динамита! Я и близко к нему не подойду!

— Ты упускаешь шанс хоть чего-то достичь в своей никчемной жизни!

— Извините, инспектор. Без меня.

И не желая больше выслушивать никаких доводов, я развернулся и зашагал в обратном направлении.

Роберт Уайт останавливать меня не стал. Он и с места не сдвинулся, так и остался сидеть на лавочке. Но спину жгла его снисходительная улыбка, и от этой улыбки на душе сделалось как-то совсем нехорошо.

В банк я не пошел, отправился напрямик домой. Но опоздал...

Предчувствия не подвели — стоило только пройти за ограду, и в глаза сразу бросилась оставленная нараспашку дверь.

Теодор подобной небрежности себе никогда не позволял!

Достав из кармана «Цербер», я уже на бегу сдвинул предохранитель и взлетел на крыльцо. Заскочил в дом, и сразу из-под ноги вылетела винтовочная гильза, ударилась о плинтус, закрутилась на месте.

— Дерьмо! — в сердцах выругался я, встав над телом дворецкого, во лбу которого чернело засохшей кровью аккуратное пулевое отверстие. Поднял брошенную на грудь Теодора визитную карточку, прочитал лаконичное послание на обратной стороне и вновь не удержался от ругательства.

«Ты знаешь где», — гласила надпись на визитке инспектора Уайта, и ничего больше на ней не было, но больше ничего писать и не требовалось.

Я знал где. И еще я знал, что инспектор не оставит меня в покое, пока не добьется своего.

Обратиться в Третий департамент?

При одной только мысли об этом у меня вырвался нервный смешок.

Не вариант. Хорошо бы, но не вариант.

Отбросив смятую визитку, я посмотрел на дворецкого и покачал головой.

— Ладно, Теодор, — вздохнул я, хрустнув костяшками пальцев, — давай начнем все сначала.

И я заставил себя увидеть то, что лежит на полу в действительности, а не в моем подменившем собой реальность воображении.

И сразу облик дворецкого начал меняться и терять человеческое обличье. Тронутая тлением кожа туго обтянула острые скулы, пустые глазницы провалились, губы натянулись полосками серой кожи и обнажили неровные желтые зубы, а волосы увенчали череп серыми ключьями. И лишь дыра во лбу не изменилась никак. Пулевое отверстие было здесь и сейчас.

Неожиданно торчавшая из рукава кисть дрогнула, скрюченные пальцы заскребли по дубовому паркету, ноги засучили по полу начищенными ботинками, и тогда я одернул неупокоенного:

— Терпение, Теодор! Терпение!

Ту ночь, когда в доме поселилось проклятие, дворецкий не пережил. Но и умер не до конца. Теодор был человеком чести, его чувство долга оказалось сильнее смерти, и это сыграло с ним злую шутку — все эти годы он оставался заперт в собственном мертвом теле, будто в камере смертников. Старуха с косою могла прийти за ним в любой из дней, но медлила, то ли намереваясь извести обманувшего ее наглеца ожиданием, то ли не зная, с какой стороны подступиться к эдакому упрямцу. А я...

Я слишком хорошо помнил Теодора живым, чтобы позволить ему пребывать в образе бессловесной нежити. Мне ведь не требовалось воскрешать покойника, достаточно было просто представить его живым и добавить к этим воспоминаниям самую малость силы.

Откуда ей взяться, если мой талант черпал силу в страхах?

Из страхов, откуда еще. И дело было даже не в том, что сам я до дрожи боялся одиночества пустого особняка, куда больше помогал запредельный ужас смерти.

Не мой — Теодора. Он боялся возродиться, ведь дарованный мной эрзац жизни неминуемо обречен был завершиться новой смертью. Мгновения агонии одинаково ужасны и для живых, и для тех, кто живым себя только мнит. Неважно, с какой высоты падать, если под тобой бездонная пропасть.

На этом страхе и смертном ужасе я и сыграл. А стоило только эмоциям обернуться малой толикой реальности, как Теодор ухватился за мои воспоминания, натянул их на себя, будто личину, и судорожно засучил ногами, когда забилось сердце и задергалось корежимое противоестественным возвращением из царства смерти тело.

Я почувствовал легкое головокружение и прислонился к стене; в глазах сразу прояснилось, и стих звон в ушах. Мертвый дворецкий не нуждался в поддержке постоянно, у него хватало с избытком собственной силы. Чувство долга не дало ему сойти в могилу, оно же билось потусторонним близнецом сердца, а от меня требовалось лишь придать первоначальный импульс, воплотить эту силу в форму запечатленных в памяти образов, только и всего. Для человека со столь живым воображением это несложно.

Не Христос и Лазарь, а всего-навсего сиятельный с непростым талантом и его застрявший между жизнью и смертью слуга.

— Благодарю, виконт, — выдохнул Теодор, уверенно поднялся на ноги и сообщил: — Они забрали вашу гостью.

— Кто приходил? — спросил я, заранее зная ответ.

— Двое парней, рыжий и шатен. Шатен жевал табак.

— Понятно, — вздохнул я и поднялся в спальню.

Джимми и Билли сильно пожалеют, что сунулись ко мне домой. Неважно, кто их прикончит, — я или проклятие; в любом случае эту ночь им не пережить. И вряд ли об этом не знал инспектор, когда отправлял их за Елизаветой-Марией.

В спальне я достал из тумбочки «Рот-Штейр» и до упора оттянул головку затвора; миг спустя тот вернулся на место, с сочным металлическим клацаньем дослав патрон. Пристроив кобуру с пистолетом на пояс, я нацепил помочи, без которых рисковал оказаться со спущенными штанами, проверил «Цербер» в кармане пиджака и спустился на первый этаж.

— И не забудь прибраться в спальне, — напомнил дворецкому, поправлявшему перед зеркалом бакенбарды.

— Ни в коем случае, виконт, — кивнул Теодор со столь невозмутимым видом, словно это не он валялся пять минут назад на полу с дырой в голове.

Впрочем, пробившая лоб пуля не самое худшее, что ему довелось пережить, точнее, не пережить. Аггельская чума убивала не столь милосердно, как пятнадцать граммов свинца и меди.

До иудейского квартала я добирался пешком. Шел без лишней спешки, заранее обдумывая свои дальнейшие действия, снова и снова подбирая слова и аргументы, которые помогли бы разрешить дело без кровопролития. Но надежды на подобный исход, если начистоту, уже не оставалось.

Инспектор Уайт никогда не останавливался на полпути, а я не собирался идти у него на поводу и ставить на кон чужой игры собственную душу.

Елизавета-Мария?

О да, инспектор прекрасно знал, как зацепить человека за живое. Но он совершил большую ошибку, решив, что вот так запросто сумеет заставить меня плясать под свою дудку.

И я через полу пиджака нащупал кобуру с пистолетом.

Еще посмотрим, кто кого. Еще посмотрим...

Цирюльня ожидаемо встретила меня запертой дверью. Я постоял на крыльце, наблюдая за повседневной жизнью местных обитателей, затем приоткрыл ворота и настороженно шагнул в узкий проезд между домами. Там снял темные очки и прислушался, но ничего определенного помимо доносившегося с улицы гомона не уловил.

Стало страшно. Страшно и очень одиноко.

Но ненадолго — тяжесть вытащенного из кобуры «Рот-Штейра» позволила взять себя в руки и вернуть уверенность в собственных силах.

Я нужен инспектору, а вот он мне — нет.

Маленькое такое преимущество.

На заднем дворе никого не оказалось. С пистолетом в руке я подступил к распахнутой настежь двери цирюльни и заглянул в комнату. Там — никого.

Наугад закинул в рот леденец, тот оказался лимонным. Единственный лимонный на всю жестянку; такое вот везение.

«Кислятина...» — поморщился я и осторожно переступил через порог.

Стараясь не шуметь, добрался до спуска в подвал и замер рядом, не решаясь двинуться дальше.

«Ты знаешь где», — гласила записка. Я и в самом деле знал; знал, но никак не мог заставить себя сделать следующий шаг.

Если мне и суждено умереть не своей смертью, это случится в подвале.

Откуда такая уверенность? Простое предположение. Не зря же я терпеть не могу эти темные норы...

Впрочем, внизу меня ждала Елизавета-Мария, а значит, о страхах можно было позабыть.

Вперед!

Я вытер носовым платком вспотевшее лицо и начал спускаться по лестнице, никак не пытаясь скрыть свое появление. Без толку — сослуживцев в любом случае врасплох не застать, нечего даже пытаться.

И точно — только шагнул в освещенный парой керосиновых ламп подвал, сразу раздался окрик:

— Руки! — и Джимми выступил из темного угла с карабином на изготовку.

Билли вынырнул откуда-то с другой стороны и потребовал:

— Пистолет! На пол! Немедленно!

Я пропустил их распоряжения мимо ушей.

— Где девушка? — спросил, продолжая держать «Рот-Штейр» в опущенной руке.

Джимми закашлялся, сплюнул под ноги мокроту и прошипел:

— Если ты немедленно не уберешь ствол...

— Стой! — одернул его напарник, на круглом лице которого играла непонятная полуулыбка-полуухмылка. — Стой, Джимми! Не торопись. И ты, Лео, не нарывайся. Давай начнем все сначала.

Билли казался слишком уж невозмутимым для ситуации, в которой оказался; это сбивало с толку и мешало сосредоточиться. А вот его рыжий приятель, напротив, накрутил себя до предела.

— Да в аду я его видел! — выругался он. — Если дернется, сразу продырявлю!

— И что тебе на это скажет инспектор? — с усмешкой полюбопытствовал я.

— Скажу, что с простреленной ногой ты станешь более сговорчивым! — послышалось тут от провала в стене, а миг спустя из сгустившегося там мрака выступил инспектор Уайт. Елизавету-Марию он вел перед собой, для верности прижимая стволы «Гидры» к девичьей голове. — Не дури, Лео. Брось пистолет. Мы просто поговорим.

— Дорогая, с тобой все в порядке? — спросил я, игнорируя инспектора.

— Могло быть и лучше, — многозначительно произнесла Елизавета-Мария, теребя пояс халата, в котором ее вытащили из дома. — Но ты легко можешь все исправить...

— Хватит болтать! — оборвал девушку Джимми, чихнул, мотнул головой и потребовал: — Ствол! На пол! Быстро!

— Инспектор, — попытался я апеллировать к голосу разума. — Предлагаю разойтись по-хорошему. Вы не станете принуждать меня освободить падшего, я не расскажу о вас руководству. Хотите — уволюсь. Просто разойдемся, как в море корабли.

— Нет, Лео, — лишь рассмеялся в ответ Роберт Уайт. — Я свой шанс не упущу!

Вся его невозмутимость оказалась насквозь напускной, на деле он накрутил себя почище Джимми, который места себе не находил и мог сорваться в любую секунду. Билли на их фоне казался достигшим просветления отшельником.

Да что с ним не так? Его уже должно корежить от аггельской чумы!

— Вы одержимы! — вновь обратился я к инспектору. — Падший забрался к вам в голову! Он вертит вами как хочет, разве это непонятно?

— Леопольд, — лишь улыбнулся в ответ начальник, — приказать Джимми прострелить тебе ногу?

— Давно пора! — с довольным видом ослабил рыжий констебль.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Джимми? — вздохнул я тогда, дождался недоуменного хмыканья и сообщил: — В том, что ты уже мертв. И Билли мертв. Зря вы сунулись ко мне домой!

— Не вынуждай меня, Лео, — с угрозой произнес Роберт Уайт. — Лучше не вынуждай...

Я повернулся к нему и оскалился:

— Это вы, Роберт, вынуждаете меня. Я ведь вполне могу вообразить вашу безвременную кончину!

— Чушь! — фыркнул инспектор. — Я не боюсь смерти! Что меня по-настоящему пугает, так это безвестность! Твой талант бессилён причинить мне вред. Ты ничего не можешь, Лео! Ничего!

— Ничего не могу? — переспросил я. — О нет, инспектор! Я могу вообразить, что сейчас глубокая ночь.

— И этим ты решил напугать меня?

— Не вас. И не напугать. Джимми, Билли, вы слышите? Уже ночь. Глубокая ночь!

Рыжий констебль немедленно зашелся в надсадном кашле, оперся на стену, а потом и вовсе сполз по ней на пол, но вот Билли будто не расслышал моих слов, он с недоумением уставился на приятеля и спросил:

— Джимми, ты чего? Джимми!

— Чувствуете, как разгорается внутри пламя? — подстегнул я проклятие. — Оно прожигает вас насквозь и рвется на волю!

Джимми с ужасом уставился на свои ладони — те засветились изнутри алым сиянием, словно констебль накрыл ими мощный электрический фонарь, и на коже начали стремительно набухать яркие бубоны ожогов. Не только на руках, но и на шее и лице. Рыжий забился в страшных судорогах и принялся кататься по полу в приступе падучей, а потом воссиял ослепительным светом и обмяк. На утопанной земле распласталось запеченное изнутри тело.

Но это не я убил его, вовсе нет. Внутренности констебля пожрало проклятие. Мое воображение лишь слегка подстегнуло костлявую клячу, и без того уже мчавшуюся напрямиком в ад.

Билли оказался крепким орешком. Он присел рядом с приятелем, удостоверился в его смерти, потом как-то заторможенно поднялся с колен и вдруг вскинул карабин.

— Ах ты...

Грохнул выстрел, голова Билли расплескалась кровавыми брызгами, и констебль как подкошенный рухнул рядом с мертвым сослуживцем.

— Чертов морфинист! — выругался инспектор Уайт и направил дымившуюся «Гидру» уже не на Елизавету-Марию, а на меня. — Брось пистолет, Лео! Или, клянусь, продырявлю тебе колено!

Морфий! Ну конечно же! Спокойствие констебля и его невосприимчивость к страху вызвал наркотик! Да он даже боли не чувствовал!

— Брось немедленно! — вновь выкрикнул Роберт, и стало ясно, что при малейшем промедлении он попросту выстрелит мне в ногу.

Я положил «Рот-Штейр» на пол, медленно отодвинул его носком туфли и напомнил:

— Еще можно разойтись по-хорошему...

— Раз уж я пожертвовал своими людьми, — помертвевшим голосом промолвил Роберт и встряхнул левой рукой, резким движением раскладывая зажатую в ней наваху, — подумай, что я сотворю с твоей невестой. А дабы не затягивать этот балаган, я начну считать. И когда досчитаю до трех, или услышу от тебя правильный ответ, или...

— Заканчивай. Я разрешаю, — поморщился я и мотнул головой, прогоняя из нее образ девушки, миловидной и хрупкой.

— Что? — опешил инспектор, когда по его запястью прошли изящные пальчики

Елизаветы-Марии.

Отсеченная когтями кисть вместе с пистолетом шлепнулась на пол, Роберт Уайт попытался отстраниться от суккуба и даже успел замахнуться ножом, но inferнальное создание неуловимым глазом движением вновь прикикло к нему и резко — снизу вверх! — вспороло от паха до горла, будто выпотрошило снулую рыбу.

Хлынула кровь, инспектор рухнул на колени, и суккуб скользнула к нему за спину. Стиснула длинными пальцами шею, так что острые когти проткнули кожу, и капля за каплей начала выдавливать из жертвы остатки жизни.

Я не отвернулся и досмотрел до конца. Это ведь я убил инспектора. Я и никто иной.

Было ли мне его жаль?

Не знаю. Мы живем в жестоком мире, главный принцип которого — убей или умри. Милосердие? Милосердие для слабых...

Тут суккуб оставила истерзанное тело в покое и легкой, танцующей походкой направилась ко мне. От милой Елизаветы-Марии не осталось и следа: лицо удлинилось и сделалось белоснежно-бледным, глаза запали и горели багряными огнями преисподней, а тонкие губы больше не скрывали заполнявшие рот острые иглы зубов. Забрызганный кровью халат при каждом шаге распахивался, тогда становились видны обтянутые кожей ребра и некрупные груди с черными бугорками сосков. По-прежнему изящными остались лишь тоненькие пальчики, только теперь их венчали длинные ногти неприятно-стального цвета.

Стального — это если без налипшей крови...

— Проваливай! — скомандовал я inferнальной твари, кинул на стол снятый пиджак и принялся закатывать рукава сорочки. — Ты свободна! Убирайся в преисподнюю!

— Мой милый Лео, — тихонько рассмеялась суккуб и слизнула с верхней губы капельку крови длинным, раздвоенным на конце языком, — разве ты больше не нуждаешься в моих услугах? Поверь, я многому могу тебя научить...

— В ад! — сорвался я на крик. — Ты не можешь нарушить договор!

— Глупо, — покачало головой потустороннее создание. — Ты так безнадежно влюблен в свою Елизавету-Марию, так гредишь ею, но она никогда не будет твоей. А я буду. Просто представь меня...

— Убирайся! — резко бросил я и с многозначительным видом разложил нож.

Inferнальная тварь при виде титанового клинка подалась назад, но сразу взяла себя в руки и напонила:

— Лео, ты не можешь причинить мне вреда. Не забывай, у нас договор...

— И в мыслях не было, — оскалился я, подхватил одну из керосиновых ламп и поспешил к пролому в дальней стене. — Проваливай! — крикнул, прежде чем склонить голову и юркнуть в лаз.

Не стоило связываться с суккубом, но если начистоту, у меня просто не оставалось иного выбора, кроме как пойти с ней на сделку. Я действительно был столь безнадежно глуп, что вознамерился произвести впечатление на дочь главного инспектора, и обратился за помощью к знакомому поэту, а тот растрепал о моем секрете всему городу.

Всплыви правда наружу, Фридрих фон Нальц меня бы на медленном огне поджарил!

И я нашел выход. С моим талантом потусторонние создания — как мягкая глина, из них можно вылепить что угодно, вот я и вылепил из суккуба миловидную девицу, свою невесту; просто опередил инспектора и предложил заключить сделку. Но теперь все зашло слишком далеко...

— Ты будешь скучать обо мне, Лео! — послышался за спиной серебристый смех.

Я ничего не ответил. Дошел до развилки и повернул к подземной часовне. Там поставил «летучую мышь» на одну из каменных скамей и с трудом сдержал дрожь, когда неровные отблески замелькали на каменном изваянии падшего.

Изваянии? Вот уж нет...

Наполовину утопленное в стену крылатое создание нависло надо мной, придавило своим мертвым величием, принялось медленно, но неотвратимо прорываться в реальность из бездны, куда его заточили годы и годы назад. Белоснежный мрамор засветился изнутри и начал оборачиваться плотью, крылья прорезались мельчайшими ворсинками ровных рядов серебряных перьев, грудь вздрогнула, словно силясь сделать вдох.

Тогда я поспешно опустил взгляд к полу и до крови закусил губу, очищая разум от ментального воздействия заточенного в камне создания. К счастью, падший не успел толком вцепиться в мое сознание, и его сияние понемногу угасло.

Когда в часовне вновь сгустились тени, едва-едва разгоняемые тусклым светом керосиновой лампы, я подступил к изваянию вплотную, приложил ладонь к каменной груди и уловил — да, уловил! — редкие удары сердца.

С каждым таким толчком в голову все сильнее и сильнее вонзался клинок чужой воли; падший стремительным цунами легко сносил все мои блоки, требуя безотлагательного освобождения из каменного плена. Но сейчас в этом уже не было нужды, мне и самому хотелось стать тем ключом, что отомкнет ему дверь в нашу реальность.

Я с упоением грезил о величии тех, чьи крылья некогда закрывали небосвод, затмевали солнце и превращали день в ночь от горизонта и до горизонта. Мечтал об их могуществе и власти. Жаждал уподобиться им...

О да!

В голову вонзались раскаленные иглы боли, отголоски чуждого людям величия едва не сбивали с ног сокрушительным прибоем, всякое сокращение сердца отзывалось в приложенной к мраморной груди руке ударом кузнечного молота.

И падший пробудился! Его сознание еще только рвалось из неведомой бездны, а тело уже начало сбрасывать каменные оковы. От левой ладони по изваянию распространилось невыносимое свечение, и запущенная моим воображением метаморфоза начала превращать белоснежный мрамор в обжигающую лютым жаром плоть.

Статуя задрожала, по стенам, полу и потолку побежала паутина трещин; сомкнутые веки дрогнули, готовясь явить ужасающий взгляд падшего создания, но я не стал дожидаться этого, отдернул от статуи горевшую огнем ладонь и ударил ножом.

Ударил, и узкий титановый клинок легко вошел меж ребер!

Пол под ногами заходил ходуном, трещины начали расширяться, с потолка посыпалась каменная крошка. Падший забился в агонии, из пореза на пальцы хлынула кипящая кровь, она обжигающим пламенем потекла по руке, но я продолжал и продолжал расширять разрез, кромсать своим оружием податливую плоть.

Падшие неуязвимы, о да! Медь, бронза, серебро, обсидиан, закаленная сталь и свинец не способны причинить им никакого вреда. Но титан...

Титан не был известен падшим, они не имели защиты от выкованных из него клинков! В чистом виде титан получили в самом конце их затянувшегося владычества, а тогда ученые уже не спешили делиться своими открытиями с бессмертными повелителями.

Ночь титановых ножей пережить им было не суждено...

И я вновь ударил острым клинком. А потом еще и еще.

По рукам текла едкая кровь — и не кровь даже, а ничем не замутненная сила! — причиняя невыносимую боль и обжигая кожу; нож выскользнул из онемевших пальцев, но ничто уже не могло остановить меня. Я просунул в ужасную рану обе ладони, нащупал судорожно бившееся сердце и одним рывком вырвал его из грудины. Падший содрогнулся, его метаморфоза оборвалась, не достигнув конца, и тело в один миг обратилось в прах.

С потолка посыпались камни; я бросился наутек, а стоило только выскочить в коридор, как позади страшно ухнуло и воздух заволокло облако пыли. Стискивая лучившееся ясным светом сердце, я припустил по выкопанному грабителями лазу, но, по счастью, обвалилась лишь часовня, а дальше своды выдержали и лишь местами осыпались тонкими струйками песка.

И все же медлить я не стал и в подвал едва не ли не вывалился. Меньше всего хотелось оказаться погребенным под грудой камней с опалевшим ладони сердцем, которое продолжало, продолжало и продолжало колотиться, сводя своей неправильностью с ума.

— Вот уж даром не надо, — пробормотал я и вдруг остолбенел, заметив караулившее меня у выхода inferнальное создание.

Суккуб оторвалась от пересчета банкнот, вытащенных из кожаного бумажника инспектора, и лукаво улыбнулась:

— Лео, мальчик мой, чему ты удивляешься? У нас ведь договор, разве нет? Неужели ты и в самом деле надеялся избавиться от своей второй половинки столь... просто? Брось, мы с тобой еще повеселимся! Отчаянно повеселимся, даже не сомневайся!

Часть вторая

Муза. Всеблагое электричество и цельноалюминиевая оболочка

1

Все счастливы одинаково, каждый несчастлив по-своему.

Так ведь говорят, да?

Что ж, ничего удивительного. Мечты обывателя донельзя эфемерны: достаток, любовь, долголетие. Власть.

Страхи — другое дело. Как правило, люди прекрасно знают, чего именно они боятся. И это не банальные вещи, одинаковые для всех. Нет, в каждом из нас сокрыт свой собственный, уникальный изъян.

Лично я с детства терпеть не мог подвалы, особенно погреб-ледник отцовского особняка.

Холод, темень и кучи грязновато-серого льда вокруг. Пламя керосиновой лампы даже не пытается разогнать тьму; оно впустую трепещет за стеклом, словно пойманный в плен огненный мотылек, и со всех сторон подступают недобрые тени. А на входе — дверь, толстенная и неподъемная, вся заиндевевшая изнутри.

Через такую сколько ни кричи, сколько ни надрывай глотку, помощи не дозовешься, и сейчас меня так и подмывало ее захлопнуть. И даже не просто захлопнуть, а навесить замок, забить гвоздями и навалить сверху что-нибудь неподъемное.

Засыпной сейф? Да, сейф бы стоился...

Елизавета-Мария спиной почувствовала мой задумчивый взгляд и обернулась.

— Лео! — нахмурилась девушка и укоризненно покачала головой. — Ты ведь не думаешь, будто меня удержит какая-то дверь?

И в самом деле — уповать на дубовые доски и холодное железо было бы с моей стороны по меньшей мере наивно. Я обреченно вздохнул и начал спускаться по затянутым изморозью ступеням. В одной руке мерцала тусклым огоньком керосиновая лампа, в другой светилась стеклянная банка с притертой крышкой, и хоть тьму они особо не разгоняли, пойти в подвал вовсе без огня я и помыслить не мог. Страшно.

— Лео! — поторопила меня девушка, убрав коробку со свежей провизией в самый дальний угол. — Чего ты медлишь?

— Иду я! Иду! — раздраженно отозвался я и наконец ступил на каменный пол.

Вдоль стен всюду высились груды ледяного крошева, которое не размораживали полтора десятка лет, и царящий внизу холод легко проникал под пиджак, заставляя трястись в обжигающе-нервном ознобе. А вот Елизавета-Мария в своем легоньком домашнем платице от мороза, казалось, нисколько не страдала.

— Как там? — спросил я суккуба неожиданно даже для самого себя.

— Холодно, — ответила девушка, но сразу обернулась и уточнила: — Там — это где? Что ты имеешь в виду, Лео?

— В аду. Там — это в аду, — выдавил я из себя нервный смешок вконец онемевшими

губами.

Суккуб рассмеялась.

— Мальчик мой, — покачала она головой, вытирая выступившие в уголках глаз слезы. — Попробуй объяснить муравью, что такое Вселенная! Рассказать рыбе о космосе! Добейся от них понимания и тогда приходи ко мне и задавай вопросы о преисподней. Не обижайся, но человеческий мозг просто неспособен вместить в себя подобное знание. Всему свое время, прими это как данность.

Я оскорбился и не удержался от недоброй ухмылки:

— Наверное, неприятно оказаться запертым в теле муравья?

Елизавета-Мария подумала, потом кивнула.

— Это налагает определенные ограничения, — подтвердила она.

— Так, быть может, ты и сама теперь не в состоянии осмыслить, что же такое преисподняя? — продолжил я, несколько не скрывая злорадства. — Воплощение в этом мире не лишило падших сверхъестественной сути, одним лишь своим присутствием они меняли законы реальности, а ты... Ты теперь всего лишь человек.

— Тебе не удастся разозлить меня, — улыбнулась суккуб, разгадав немудреную хитрость. — Лео, дорогой! Я не нарушу договор и не причиню тебе вреда. Никогда.

— Никогда — это очень долго, — хмыкнул я. — Почему бы тебе не обратиться в преисподнюю прямо сейчас?

— Фи, — скривилась Елизавета-Мария, — возвращаться без достойных трофеев — это моветон, мой дорогой.

— Пока ты со мной, ты не охотишься на людей. Договор...

— И в мыслях не было, — уверила меня суккуб. — Зачем рисковать, позволяя тебе соскочить с крючка? Душа сиятельного с лихвой компенсирует любое ожидание.

Я скрипнул зубами от бессильной злости.

— К тому же, — придвинулась ко мне девушка почти вплотную, — не думаю, что ожидание будет столь уж долгим.

— Посмотрим! — оскалился я в ответ и поставил на пол банку, сквозь заиндевевшее стекло которой лучился ясный свет.

Удары размеренно бившегося сердца падшего перестали болью отдаваться в горевших огнем руках, но только я начал разгребать в стороны острые холодные осколки, и пальцы враз потеряли всякую чувствительность. Тем не менее пришлось основательно углубиться в слежавшуюся кучу мерзлого крошева, прежде чем поставить в нее банку и присыпать ее сверху обломками льда.

Елизавета-Мария откинула со лба рыжую челку и предупредила:

— Поскольку мы не можем нанять повара, мне придется готовить самой...

— Пресытилась человечинной? — огрызнулся я, наполнил ведро битым льдом и направился к лестнице.

— Надо пользоваться моментом, — пожала плечами Елизавета-Мария и рассмеялась: — Расширяй кругозор, Лео, пока у тебя еще есть такая возможность! На ценности твоей души это скажется самым положительным образом...

Я остановился на верхней ступени, намереваясь съязвить, но ничего толкового в голову не пришло, поэтому просто махнул рукой и покинул подвал. Очки немедленно запотели; снял их и сунул в нагрудный карман.

Девушка выбралась следом, сжимая в руках бумажный пакет, и попросила:

— Не опаздывай на ужин.

— Надеюсь, ты не все деньги потратила на провизию? — спросил я, опуская дверь подвала на место.

— А даже если и так? Ты требовал не трогать бумажник мертвеца, разве нет?

— Я передумал.

— Посмотри на секретере, — подсказала тогда Елизавета-Мария.

В вазочке на верхней полке обнаружилась пара мятых двадцаток и новенькая десятка; я негнушными пальцами зачихнул их в портмоне, ушел в уборную и, заткнув деревянной пробкой слив, опорожнил в раковину ведро льда. Затем снял пиджак, закатал рукава сорочки и оценивающе оглядел руки. На коже от запястий и до локтей проступили алые бубоны аггельской чумы. Сияли они ничуть не тусклее огонька керосиновой лампы, а жгли и того хуже.

Проклятие!

В свое время аггельская чума выкосила едва ли не половину первого поколения сиятельных, и вряд ли во всей империи кому-то довелось пережить ее приступ дважды!

Включив воду, я сунул обожженные кровью падшего пальцы под тугую струю и с облегчением перевел дух. Потом опустил руки в ледяное крошево и постоял так какое-то время, чувствуя, как жжение сменяется ломотой в костях.

Хорошо!

На ходу раскатывая рукава, я поднялся в спальню, достал из тумбочки табельный «Рот-Штейр» и прицепил кобуру с оружием на пояс. Таскать с собой лишнюю тяжесть не хотелось, но по всем писанным и неписанным правилам пистолет следовало сдать в оружейную комнату еще позавчера, поэтому чем раньше сделаю это, тем лучше.

— Загляну в бакалейную лавку, — предупредил я дворецкого, спустившись в прихожую, — покупки пришлю с посыльным.

— Как скажете, виконт, — кивнул Теодор.

Просто кивнул, принимая услышанное к сведению, — и все.

Если честно, иногда мне становилось от него не по себе. Ни живой, ни мертвый — чем Теодор занимал свои дни? Почему до сих пор не покинул этот мир? Держит его здесь данное моим родителям слово или всему виной не чувство долга, а банальный страх смерти?

Я покачал головой, достал жестянку и отправил в рот мятный леденец.

В этот момент с кухни вышла Елизавета-Мария; она заметила жестянку со сладостями и поинтересовалась:

— Позволишь, Лео?

— Угощайся.

Девушка сунула в рот конфету, покатала ее языком, с удивлением признала:

— Вкусно, — и тут же расплылась в ехидной улыбке: — А есть со вкусом крови?

— Проклятье! — в голос выругался я, выскочил на улицу и с грохотом захлопнул за собой дверь. У ворот выгреб из почтового ящика толстенную стопку корреспонденции, преимущественно счетов, рассовал конверты по карманам и спустился в итальянский квартал. Зашел в бакалейную лавку на окраине, оставил хозяину список покупок и деньги, потом навестил местного кондитера, а после пропахшего корицей магазинчика направился к двухэтажному особняку с новенькой вывеской «Колониальные товары» на фасаде.

Толкнув дверь, я под мелодичный перезвон колокольчика переступил через порог и поприветствовал долговогого черноволосого парня за прилавком.

— Доброе утро, Антонио!

— Господин Орсо! — обрадовался жуликоватого вида приказчик, вытер ладонь о некогда белый фартук и перегнулся через прилавок. — Давненько не заглядывали!

Я пожал протянутую руку и полюбопытствовал:

— Как торговля?

Антонио только беспечно улыбнулся в ответ.

И в самом деле, жаловаться на недостаток покупателей владельцам магазинчика не приходилось: товары из обеих Индий, южноафриканских колоний и Нового Света пользовались неослабевающим спросом.

— Какой сорт чая посоветуешь? — спросил я, в задумчивости рассматривая стоящие на полках стеклянные банки со специями, солью, сахаром, кофейными зернами и листовым чаем.

— Опять чай? — неодобрительно поморщился Антонио и достал из-под прилавка бутылку с граппой. — По маленькой?

— Благодарю, — отказался я.

Приказчик наполнил рюмку, влил в себя виноградную водку и потрянул головой. Не без сожаления спрятал бутылку под прилавок и вздохнул:

— Леопольд, ты будто из Лондона приехал! Чай, чай и только чай! Попробуй кофе!

— Кофе вредно для сердца, и зубы от него темнеют. Об этом во всех газетах пишут.

— Ерунда! — возмутился Антонио. — Ты будто не итальянец!

— Антонио, — вздохнул я, — ты же знаешь, я не итальянец.

[Купить полную версию книги](#)